

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

HD
715
.K843
1875a

A 481618

DUPL

LIBRAIRIE B. BEHR (E. BOCK) A BERLIN.

АПЕЛЛАЦИЯ. В. Н. Бродский. 2 части: 1-я: Современная идиллия.	7 М. 50 Рф.
2-я: Новеллы.	3 М.
ВОПРОСЫ ВѢРЫ и СМѢРТИ. 1872.	50 Рф.
ВРЕМЯ. Повесть изъ жизни блаженнаго Августина.	4 М. 50 Рф.
ВРЕМЕННИКИ. Ковчегъ въ 5 дѣйствіяхъ.	1 М.
ГЕЙНЕ, Г. Пять лѣтнихъ гонимъ чашъ Шнабеленскаго.	3 М.
ГРИБОЕДОВЪ, А. С. Сочиненія. 2-е изданіе. 1870.	1 М. 50 Рф.
ДВОРНСТВО и освобожденіе крестьянъ (Кавелина).	8°. 1869. 1 М.
ИЗМѢНЕНИЕ, необходимое въ нашей крестьянской реформѣ.	3 М.
ИСКАНЦЕРЪ. Еще разъ.	1 М. 50 Рф.
КАРАМЗИНЪ. О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ.	3 М. 50 Рф.
КОШЕЛЕВЪ, А. Наше положеніе. 1875.	3 М. 50 Рф.
КРЫЛОВЪ, Н. А. Труды. Трагедія въ двухъ дѣйствіяхъ.	1 М.
ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Демонъ, поэма. 1-е изданіе. 1875.	1 М. 50 Рф.
— — Стихотворенія, невошедшія въ послѣднее изданіе его сочиненій. 2-е изданіе. 1875.	3 М.
МАТЕРІАЛЫ для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи. Извлеченіе изъ секретныхъ отчетовъ Минист. Внутр. Дѣлъ.	5 М.
МАТЕРІАЛЫ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе Имп. Александра II.	9 М.
НЕКРАСОВЪ, Н. Стихотворенія.	4 М.
О БЫТѣ рабочихъ людей въ С.-Петербургѣ и о средстве къ улучшенію ихъ положенія. 8°.	2 М. 50 Рф.
ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, Меншиковъ и Лейбницъ, разговоръ.	1 М.
ПЮТРОВСКІЙ, Р. Записки. Россія и Сибирь 1813—1816.	3 М.
ПУШКИНЪ, А. Опасный сосѣдь.	50 Рф.
— — Евгений Онегинъ, романъ въ стихахъ.	4 М.
— — Стихотворенія, невошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій. 2-е изданіе. 1870. 8°.	4 М.
РУССКОЕ ДУХОВЕНСТВО. 12°.	7 М.
САМАРИНЪ, Ю. Окраины Россіи. Серія первая: Русское Баттійское похорье. Выпускъ I—IV.	21 М.
— — Отвѣтъ В. Ф. Бокку и Ширрену по поводу „Окраины Россіи“. 1870.	3 М.
СВОБОДНЫЯ Русскія пѣсни.	50 Рф.
СЕЛЬДЕРЕВКОВОЙ. Очерки современнаго Кавказа.	2 М.
СТАТСКІЙ АРМЕЙЦУ.	1 М.
ТУРГЕНЕВЪ, Н. Вѣсныя воды.	4 М.
ХОМЯКОВЪ, А. С. Сочиненія. Томъ II. (Сочиненія политическія, предисловіе Ю. Самарина.	5 М.
ЧЕМЪ НАМЪ БЫТЬ? — ОТВѢТЪ Редактору газеты „Русскій Миръ“ 1875.	2 М.
ШЕДО-ФЕРРОТТИ, А. Е. Писемъ А. И. Горькаго къ русскому народу въ Лондонѣ. 8°.	1 М. 50 Рф.
ШЕРВУДЪ и его капитанъ генералъ-майора Б.—П.	1 М.
ШИНШЕОВЪ, А. С., адмиралъ. Записки, описаніе путешествія. Томъ I—II. 1870.	2 М.
ШУМАХЕРЪ, Л. В. Миссионерская Сибирь. Сочиненія, описаніе путешествія. Томъ I—II. 1870.	2 М.
ЯНУСЪ. Повесть о соборѣ. Сочиненія. 1870.	1 М.

Koschelett, Pelzgemeinschaft in Russland.

0156

ОБЕРУЧЕНЪ ЗА ДИВАНА ИИ

ВЪ РОССІИ.

A. КОММЕНТЫ.

BERLIN.

W. B. RICHES, JR., CHAIRMAN (E. BOCK)
J. S. RICHES, JR., SECRETARY

1654

HD
715
.K843
1875a

**ТЕХНИЧЕСКИЙ МАГАЗИНЪ
Б. БЭРА (Е. БОКА)**

ВЪ БЕРЛИНѢ

27. Unter den Linden. 27.

гъ свои услуги для изданія сочиненій на
, французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ
и ручается за правильность и изящность

ОБЪ

ОБЩИННОМЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ

ВЪ РОССИИ.

А. КОШЕЛЕВА.

BERLIN.

**B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK).
27. UNTER DEN LINDEN. 27.**

1875.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стран.
Объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи	1
Объ условіяхъ для выхода крестьянъ изъ обществъ	58
О семейныхъ раздѣлахъ	70
Объясненіе по поводу слѣдующей статьи	78
Предисловіе г. Лавале къ его книгѣ: <i>О собственности и ея перообитицахъ</i>	81
Послѣсловіе къ предыдущей статьѣ	104
Два слова о книгѣ г. Фадѣева	118

ОБЪ ОБЩИННОМЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ ВЪ РОССИИ.

[По поводу доклада Высочайше учрежденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. С. Петербургъ, 1873.]

Съ нѣкотораго времени возобновились, и притомъ съ особенною настойчивостью и авторитетностью, нападенія на общинное землевладѣніе въ крестьянскихъ обществахъ, какъ на главную причину застоя и даже ухудшенія ихъ хозяйства и быта вообще; возобновились и требованія о скорѣйшемъ устраненіи этого источника всякихъ злоупотребій отъ крестьянства, или по крайней мѣрѣ объ открытіи ему всевозможныхъ исходовъ изъ нынѣшняго его полукрѣпостнаго состоянія. Эти нападенія и требованія исходятъ не изъ одного какого-либо лагеря, а изъ весьма различныхъ, и внушаются не однимъ какимъ-либо чувствомъ, а побужденіями даже совершенно противоположными. Такъ-называемые крѣпостники, т. е. люди, еще съ особенною любовью и съ сердечнымъ сокрушеніемъ воспоминающіе о покойномъ крѣпостномъ правѣ, и ищущіе тѣмъ

или другимъ способомъ вознаградить дворянство за утраченныя имъ привилегіи, жестоко нападаютъ на общинное землевладѣніе потому, что это учрежденіе, ограждая крестьянъ отъ бездомства и нищеты, и обезпечивая имъ нѣкоторую самостоятельность, лишаетъ чрезъ то землевладѣльцевъ возможности имѣть дешевыхъ работниковъ и распоряжаться ими по обычаямъ прежняго благодатнаго времени. Люди либеральные, вполне благонамѣренные, но начитавшіеся иностранныхъ книгъ, и не вникнувшіе въ сущность нашей крестьянской общины, считаютъ также долгомъ возставать противъ крестьянскаго общиннаго землевладѣнія, думая видѣть въ немъ источникъ общественнаго деспотизма, ограниченіе личной свободы, и препятствіе къ улучшенію земледѣльчестванія отдѣльными лицами, по ихъ усмотрѣнію, и къ свободному передвиженію людей изъ одной мѣстности въ другую. Наконецъ ополчаются противъ нашего общиннаго землевладѣнія и остзейскіе бароны, ихъ органы, друзья и защитники: они свысока, и только какъ будто изъ любви къ намъ, меньшимъ своимъ братьямъ, рекомендуютъ скорѣйшую отмѣну общиннаго землевладѣнія, и чрезъ то — открытіе крестьянамъ пути къ улучшенію ихъ хозяйства, и даже къ введенію плодopеремѣнной системы воздѣльванія земли; а дѣйствительно, они возстаютъ противъ общиннаго землевладѣнія, опасаясь, чтобы какъ-нибудь оно не было введено и въ ихъ „провинціяхъ“, и чтобы такимъ

образомъ они не были поставлены въ невозможность разсчитываться и обходиться съ своими рабочими такъ, какъ они съ ними теперь разсчитываются и обходятся.

Въ теченіи послѣднихъ семнадцати лѣтъ много было говорено и писано и за, и противъ общиннаго землевладѣнія. Вопросъ этотъ конечно еще далеко не вполне разработанъ, но казалось, что онъ на столько уясненъ, что обѣ стороны, представивъ всѣ доводы, которые имѣлись на лицо, признали за лучшее оставить его пока въ покоѣ и ожидать, чтобы время, вѣрнѣйшій слѣдователь и самый безпристрастный докладчикъ, собрало новыя данныя по этому дѣлу, и подготовило его къ окончательному обсужденію и рѣшенію.

Такъ казалось; но это, безъ предварительныхъ переговоровъ, молча, заключенное перемиріе, теперь нарушается, и при томъ не какимъ-либо одноличнымъ, легкомысленно увлеченнымъ борцемъ, а цѣлымъ соборомъ представителей различныхъ административныхъ вѣдомствъ, имѣющимъ во главѣ одного изъ первостепенныхъ государственныхъ дѣятелей. И осужденіе общиннаго землевладѣнія, а равно и требованіе мѣръ къ его постепенному упраздненію, высказываются не мимоходомъ въ какомъ-либо обычномъ бюрократическомъ произведеніи, на которое едва-ли кто обращаетъ вниманіе, а въ чрезвычайномъ актѣ — въ всеподданнѣйшемъ докладѣ, въ которомъ мнѣніе администраціи подкрѣпляется

~~_____~~

огромнымъ количествомъ отзывовъ людей частныхъ, принадлежащихъ разнымъ мѣстностямъ Имперіи, и официально спрошенныхъ въ Высочайше учрежденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. Сверхъ того, идетъ слухъ, что образована новая комиссія для разработки вопроса о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять для облегченія крестьянамъ выхода изъ обществъ и для установленія сроковъ на передѣлы крестьянскихъ земельныхъ угодій. —

Слѣдовательно, въ настоящее время, невозможно, недобросовѣстно молчаніе для всякаго, глубоко убѣжденнаго въ огромныхъ выгодахъ общиннаго землевладѣнія для крестьянскихъ обществъ, для народа вообще и для самаго правительства, и въ необходимости удержанія и поддержанія у насъ этого вѣрнѣйшаго залога состоятельности и величія нашего государства какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

Мы постараемся изложить, какъ можно полнѣе и безпристрастнѣе, всѣ неудобства и невыгоды общиннаго землевладѣнія, выставленныя въ упомянутомъ докладѣ, въ журналахъ означенной комиссіи и въ отзывахъ приглашенныхъ землевладѣльцевъ, крестьянъ и другихъ лицъ. Мы постараемся также пополнить этотъ обвинительный актъ и изъ другихъ печатныхъ источниковъ; ибо мы искренно желаемъ представить мнѣнія противной стороны во всей ихъ

силѣ и совокупности. Затѣмъ, мы попытаемся доказать неосновательность этихъ обвиненій и вывести не только оправданіе, но и справедливую оцѣнку этого кореннаго основанія нашего народнаго и государственнаго быта.

Выставляются слѣдующія невыгоды и неудобства общиннаго землевладѣнія:

1. Оно удерживаетъ полную неопредѣленность въ понятіяхъ крестьянъ о правѣ собственности и въ пользованіи этимъ правомъ.

2. Оно препятствуетъ успѣхамъ земледѣлія, лишая крестьянъ увѣренности въ томъ, что они воспользуются плодами потраченныхъ ими трудовъ и денегъ на удобрение или расчистку, или осушеніе, или орошеніе ихъ полей и луговъ.

3. Оно увѣковѣчиваетъ черезполосицу въ крестьянскихъ дачахъ, и тѣмъ препятствуетъ общинникамъ вводить какіе-либо новые, улучшенные сѣвообороты и заставляетъ ихъ тратить много времени на переѣзды съ одного загона на другой, часто довольно отдаленный.

4. Оно лишаетъ крестьянъ возможности пахать и сѣять, когда они считаютъ то для себя лучшимъ и болѣе удобнымъ, и принуждаетъ ихъ производить эти работы одновременно съ прочими содачниками.

5. Оно скучиваетъ народонаселеніе въ большія деревни и отдаляетъ крестьянъ отъ ихъ угодій; чрезъ что затрудняются и удобрение пашни, и уборка хлѣбовъ.

6. Оно оправдываетъ и дѣлаетъ возможною и необходимою круговую поруку по уплатѣ податей и выкупныхъ платежей.

7. Оно оправдываетъ и укрѣпляетъ самовластіе сельскихъ сходовъ, нарушающее и стѣсняющее личныя права и дѣйствія крестьянъ.

8. Оно ограничиваетъ, даже убиваетъ, способность почина (иниціативы) въ крестьянахъ вообще и увѣковѣчиваетъ у нихъ старые обычаи и способы какъ обработки земли, такъ и сельской промышленности.

Наконецъ 9. Общинное землевладѣніе прикрѣпляетъ крестьянъ къ ихъ мѣсту жительства, и тѣмъ препятствуетъ свободному передвиженію людей; что особенно вредно въ Россіи, гдѣ огромныя пространства земли, за недостаткомъ рукъ, остаются безъ надлежащаго воздѣлыванія.

Кажется, мы не утаили и не ослабили ни одного изъ упрековъ, дѣлаемыхъ общинному землевладѣнію въ крестьянскихъ обществахъ. Разсмотримъ и оцѣнимъ обстоятельно эти неудобства и невыгоды.

I. Для иностранцевъ и людей, хотя русскихъ, но плохо знающихъ общинный бытъ крестьянъ, понятія объ общинномъ землевладѣніи могутъ казаться и неясными, и неопредѣленными: въ лѣсу или ночью, въ малознакомой мѣстности, легко ошибочно взять вправо или влѣво и тѣмъ обиться съ дороги. Но для крестьянъ это выходитъ совершенно иначе: для нихъ понятія объ общинномъ

землевладѣніи совершенно ясны и опредѣлительны. Они до такой степени себѣ ихъ усвоили и съ ними сжились, что весьма часто они переносятъ ихъ на разныя сдѣлки, заключаемыя ими совершенно по доброй волѣ: такъ, всѣмъ обществомъ, т. е. за общею отвѣтственности и ради общей выгоды, они нанимаютъ земельные участки, входятъ въ разныя подряды и проч. Для крестьянъ совершенно ясно, что земля отдана въ собственность или пользованіе не Петру или Якову, а всему обществу; что общество — это онѣ сами; что, распоряжаясь землею какъ хозяинъ, оно исполняетъ только ихъ волю, но волю не одноличную, а всего міра; и что потому какъ польза отъ того общая, такъ и отвѣтственность, должны лежать на обществѣ, т. е. на нихъ всѣхъ. Въ истинѣ этого легко убѣдиться изъ разговора съ любымъ крестьяниномъ.

II. Дѣйствительно ли общинное землевладѣніе препятствуетъ успѣхамъ земледѣлія, лишая крестьянъ увѣренности въ томъ, что они воспользуются плодами потраченныхъ ими трудовъ и денегъ на удобреніе, или расчистку, или осушеніе, или орошеніе ихъ полей и луговъ?

Мы знаемъ, не по умозаключеніямъ, а по опыту, не по одной мѣстности, а по многимъ, что крестьяне свою общинную пахатную землю весьма удобряютъ, что они тамъ роютъ пруды для поила скотины и расчищаютъ кустарники и подъ пахату и подъ луга; однимъ словомъ, знаемъ, что они дѣлаютъ въ своихъ

дачахъ все то, что дѣлаютъ и личные землевладельцы. Осушеній и орошеній крестьяне еще не предпринимаютъ; но много ли личныхъ землевладельцевъ, которые производятъ такія работы? Мы думаемъ, что, даже для этихъ улучшеній, община представляетъ своимъ членамъ скорѣе пособіе, чѣмъ помѣху. Работы по осушенію и орошенію полей и луговъ не могутъ быть предпринимаемы индивидуально мелкими землевладельцами. Имъ необходимо предварительно составить изъ себя товарищество, что весьма не легко: при несогласіи только одного, всё дѣло можетъ затормозиться; а между тѣмъ, община представляетъ уже готовое товарищество, и упрямство, или просто несогласіе одного или многихъ, не можетъ быть препятствіемъ къ осуществленію полезнаго дѣла. Слѣдовательно, общинное землевладѣніе можетъ со временемъ быть не препятствіемъ, а удобствомъ къ производству работъ и по осушенію, и по орошенію полей и луговъ; но это будетъ тогда, когда такія предпріятія окажутся дѣйствительно нужными и выгодными; теперь такія работы кой-къ и кой-гдѣ начинаются, но рѣдко продолжаются и, по большой части, остаются въ памяти у предпринимателей по тѣмъ убыткамъ, которые ими понесены, а у сосѣдей — какъ не своевременныя и безразсчетныя агрономическія попытки. Что же касается до удобренія полей и до расчистки земель подъ нахату и покось, то такія работы въ крестьянскихъ дачахъ постоянно произ-

водятся.*) Помѣхою имъ могли бы быть частые или въ неопредѣленное время совершающіеся передѣлы угодій; но наши крестьяне много умнѣе, чѣмъ ихъ считаютъ иностранцы и русскіе, плохо знаю-

*) Мы очень рады, что въ книгѣ, написанной Бельгійцемъ, сотрудникомъ журнала *Revue des Deux Mondes*, и попавшей намъ въ руки уже послѣ закончанія нашихъ статей, мы нашли почти тѣ же мысли и свѣдѣнія, какія мы здѣсь изложили. Вотъ что Лавеле (Laveleye) говоритъ:

„Если въ Россіи земли плохо обрабатываются, то виною того не общинное землевладѣніе, а недавно отмѣненная крѣпостная зависимость, лишавшая людей энергіи, знанія и предпримчивости. Для того чтобы убѣдиться въ томъ, что не временное пользованіе землею причиною застоя въ сельскомъ хозяйствѣ, стоитъ только посѣтить общинныя земли въ Швейцаріи и въ герцогствѣ Баденскомъ. Тамъ онѣ также подлежатъ, отъ времени до времени, передѣламъ, но онѣ обработаны и удобрены какъ нельзя лучше.“

„Даже значительныя работы по орошенію полей и по осушенію болотъ могли бы производиться русскою общиною такъ, какъ онѣ производятся общественными управленіями въ Швейцарскихъ *Allmenden* (общинахъ). Употребленіе общихъ денегъ и общаго труда доставило бы несравненно лучшіе результаты, чѣмъ какіе могутъ быть достигнуты отдѣльными, разрозненными, часто измѣняющимися и прерывающимися усиліями личныхъ землевладельцевъ.“ (*De la propriété et de ses formes primitives*, par E. de Laveleye. Paris. 1874. Pag. 31.)

Въ другомъ мѣстѣ, той же книги, авторъ говоритъ:

„Хотя *Allmenden* состоятъ во временномъ пользованіи, однако онѣ отлично обрабатываются. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только посѣтить Швейцарскія долины. Тамъ вездѣ находится значительное количество небольшихъ квадратовъ земли, занятыхъ картофелемъ, разными овощами, льномъ и даже плодовыми деревьями. Всѣ эти огороды и сады тщательно взрыхлены скребкою, удобрены и очищены отъ сорныхъ травъ.“ (Тамъ же, стр. 307.)

щіе крестьянскій бытъ. Вездѣ, гдѣ удобреніе полей возможно и полезно, уже по большей части установлены или устанавлиются раздѣлы земли на долгіе сроки, — на 12, 15 и 20 лѣтъ*). Остаются въ силѣ ежегодные передѣлы тамъ, гдѣ труды по удобренію еще не окупаются или гдѣ удобреніе полей еще не нужно, или гдѣ оно невозможно (во многихъ уѣздахъ Самарской губерніи навозъ идетъ на топливо, и помимо навоза, соломы и бурьяна, нѣтъ тамъ иного топлива). Раздѣлы полей на продолжительные сроки все болѣе и болѣе входятъ въ обычай, и если многія селенія на нихъ еще не рѣшились, то одною изъ причинъ тому есть ожиданіе имѣющей, по мнѣнію крестьянъ, быть скорѣ новой ревизіи.**)

Слѣдуетъ ли теперь законодательнымъ порядкомъ установить сроки — или, наименьшіе сроки, для передѣловъ земли? По нашему мнѣнію, такой законъ былъ бы не только бесполезенъ, но даже

*) Лавелле (тамъ же, стр. 41) говоритъ: „Въ Англіи условія найма рѣдко простираются долѣе 12—18 лѣтнихъ сроковъ. Слѣдовательно, вполне достаточно 20-лѣтняго срока для обезпеченія землѣ лучшей, по возможности, обработки. А потому совершенно несправедливо утверждать, что кратковременность срока передѣловъ причиню застой въ русскомъ крестьянскомъ земледѣліи“

**) Ко мнѣ приходили крестьяне изъ многихъ деревень съ вопросомъ: не извѣстно ли имъ, когда будетъ новая ревизія? Они мнѣ объясняли, что желали бы поделить землю на многіе годы, но что останавливаются за неизвѣстностью, не скорѣ ли будетъ новая ревизія.

вреденъ: во-1^х, потому что у насъ, во многихъ мѣстностяхъ, частые передѣлы полей еще вовсе не вредны; тамъ, гдѣ удобреніе или ненужно, или невозможно, къ чему стѣснять крестьянъ излишними, бесполезными ограниченіями, а такія мѣстности у насъ имѣются, и ихъ даже не мало; во-2^х, потому что крестьяне очень хорошо понимаютъ свои выгоды и сами устанавливаютъ раздѣлы земли на долгіе сроки вездѣ, гдѣ они могутъ быть полезны; наконецъ въ-3^х, потому что такіе раздѣлы, и безъ особаго закона, теперь уже устанавливаются. — Весьма ошибаются тѣ, которые думаютъ что общинное землевладѣніе вездѣ имѣетъ одни и тѣ-же, и притомъ неизмѣнные, виды. Нѣтъ! наши крестьяне за однообразіемъ мало гонятся и хорошо умѣютъ соображать свои дѣйствія съ требованіями мѣстныхъ обстоятельствъ. Есть мѣстности, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ вся приближная къ селенію земля подѣлена крестьянами навсегда, и гдѣ только земельные участки вымершихъ семействъ возвращаются въ міръ и раздаются имъ вновь возникшимъ семействамъ. Нерѣдко міръ отдаетъ всѣмъ или нѣкоторымъ крестьянамъ на года земли, требующія расчистки или иной, особенно трудной, разработки. Изъ этого видно, что крестьяне умѣютъ распоряжаться своею землею, и что имъ вовсе не нужны ни поученія непрошенныхъ совѣтниковъ или попечителей, ни излишнія законодательныя

указанія.*) Желательно, въ настоящее время, одно: чтобы правительство тѣмъ или другимъ способомъ объявило: будетъ ли ревизія, т. е. народная перепись въ родѣ тѣхъ, какія до сихъ поръ были, или, при предстоящей отмѣнѣ подушныхъ податей, такой

*) Читаешь и дивишься, какъ слѣдующія строки могли попасть въ общія соображенія не одного лица, а цѣлой комиссіи: „При томъ передѣлы земли вызываются, въ настоящее время, необходимою — при перемѣнахъ въ составѣ семействъ, при выбытіи членовъ изъ обществъ, при смерти домохозяевъ, при надѣленіи отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ и т. д.“ — Гдѣ, въ какой мѣстности, въ какой крестьянской дачѣ, произведены передѣлы полей вслѣдствіе того, что произошли перемѣны въ крестьянскихъ семействахъ, что умеръ какой-либо домохозяинъ, или что выбыли изъ общества двое или трое изъ его членовъ, или что прибыли въ селеніе отставные или безсрочно-отпускные солдаты? Такія соображенія, выставленные комиссіею, показываютъ, что члены ея или вовсе не знаютъ того, о чемъ они толкуютъ, или что они пустымъ наборомъ словъ хотѣли бросить пылъ въ глаза читателя. Нѣтъ! такія обстоятельства никогда и нигдѣ не служатъ причинами къ общему передѣлу полей. Конечно, если холера или другая эпидемія похититъ треть или четвертую часть рабочихъ силъ, или если значительное число семействъ уйдетъ на Кавказъ или на нынѣшнія новыя земли, то передѣлы полей становятся необходимыми; но такіе случаи крайне рѣдки и объ нихъ почти не стоитъ и говорить. При обыкновенныхъ же измѣненіяхъ въ крестьянскихъ семействахъ земли или остаются при нихъ, или передаются въ другія семейства, и отъ этого никакихъ общихъ передѣловъ полей не бываетъ. Такіе передѣлы происходятъ вслѣдствіе того, что общества признаютъ ихъ необходимыми или вслѣдствіе новой ревизіи, измѣняющей оклады подушныхъ податей, или вслѣдствіе наступленія срока, прежде установленнаго, для передѣла полей, или вслѣдствіе того, что крестьянскіе участки, отъ складки земли съ однихъ и накладки ея на другихъ, крайне перепутались. Передѣлы, до истеченія установленнаго срока, случаются крайне рѣдко.

ревизіи болѣе не будетъ. Такое объявленіе развязало бы руки многимъ крестьянскимъ обществамъ.

Странно слышать жалобы людей, вовсе къ общинамъ не принадлежащихъ, на препятствія, будто поставляемыя общиннымъ землевладѣніемъ всякимъ улучшеніямъ по крестьянскому хозяйству: подумаешь, что личные землевладѣльцы уже ввели у себя значительныя усовершенствованія; что трехпольная система ими уже покинута; что травостѣianie въ полномъ ходу; что сохи замѣнены плугами, и что одно крестьянское хозяйство составляетъ грустное исключеніе въ отрадномъ поступательномъ движеніи нашего земледѣлія. На дѣлѣ, къ сожалѣнію, оказывается почти противоположное. Большинство личныхъ землевладѣльцевъ постоянно раздаетъ свои земли общинникамъ изполу или въ наемъ; а почти всѣ остальные ведутъ свои хозяйства точно такъ (если еще не хуже), какъ общинники, т. е. остаются при трехпольномъ сѣвооборотѣ, пахутъ сохами и ежегодно удобряютъ едва 15ую или 18ую часть своихъ полей. Землевладѣльцы, дѣйствительно улучшившіе обработку земли и не хищнически ею пользующіеся, составляютъ весьма рѣдкое исключеніе изъ общаго правила.

Мы желали бы знать, какая существенная разница имѣется между личнымъ землевладѣніемъ, отдающимъ ежегодно свои земли въ наемъ и общиннымъ землевладѣніемъ, ежегодно передѣляющимъ свои земли? Если для государства вредно послѣд-

нее, то также вредно и первое. Если нуженъ законъ, опекающій или регулирующий общинное землевладѣніе, то справедливость требуетъ, чтобы благотѣльное дѣйствіе такого постановленія было распространено и на личное землевладѣніе, и чтобы какъ ежегодные передѣлы, такъ и ежегодныя отдачи земли въ наемъ, были равно воспрещены. Едва ли противники и хулители общиннаго землевладѣнія въ состояніи исполнить заявленное нами желаніе; едва ли они найдутъ, что возразить противъ требованія справедливости, нами указаннаго; и едва ли они захотятъ воспользоваться благотѣніями того запрещенія, о которомъ они такъ заботливо ходатайствуютъ въ пользу общиннаго землевладѣнія.*)

Желали бы мы также знать, какая существенная разница имѣется между личнымъ землевладѣніемъ, отдающимъ свои земли, дробными участками въ наемъ

*. Не бесполезно послушать, что, по этому предмету, говоритъ Лавеле:

..Противники русскаго общиннаго землевладѣнія осуждаютъ его и выставляютъ превосходства личнаго землевладѣнія, какъ будто у насъ, на западѣ, земли обрабатываются только самими собственниками. Это совершенно не вѣрно: большая часть земель обрабатывается наемщиками, которые ею пользуются въ продолженіи сроковъ, болѣе короткихъ чѣмъ тѣ, которые существуютъ для русскихъ общинниковъ. Согласенъ, что положеніе собственника предпочтительнѣе положенія временнаго пользователя; но положительно утверждаю, что для человека лучше имѣть въ пользованіи землю, въ собственности которой онъ участвуетъ, чѣмъ нанимать землю чужую. (Laveleye, De la propriété etc., стр. 41.)

или аренду на года, и общиннымъ землевладѣніемъ, дѣлящимъ свои земли также на продолжительные сроки? Почему одно препятствуетъ улучшенію сельскаго хозяйства, а другое не оказываетъ на него такого вреднаго дѣйствія? Почему, въ видахъ усовершенствованія земледѣлія, слышны ходатайства и требованія объ отмѣнѣ, или, по крайней мѣрѣ, объ ограниченіи правъ сельскихъ обществъ по землевладѣнію, а не слышны подобныя же ходатайства и требованія относительно личныхъ землевладѣльцевъ? Неужель крестьянскія общества безразсуднѣе и безалабернѣе послѣднихъ? Мы однако не слышали объ общинахъ, которыя отдавали бы свои земли въ наемъ или изполу, не окидывали бы глазомъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, своихъ владѣній, и ввѣряли бы свои хозяйства первому встрѣчному. А потому радѣльщики объ успѣхахъ земледѣлія и о хлѣбной производительности должны бы сперва, и пуще всего, хлопотать объ ограниченіи и регулированіи личнаго землевладѣнія, и уже затѣмъ перейти къ менѣе нуждающемуся въ ихъ попеченіяхъ общинному землевладѣнію.

Конечно хозяйства или фермы средней руки, т. е. величиною отъ 150 до 600 десятинъ, могутъ быть устроены и ведены лучше и доставлять болѣе хлѣба, мяса и другихъ сельскихъ произведеній, чѣмъ такія же пространства земли въ составѣ огромныхъ имѣній или въ раздѣлѣ между многочисленными семействами. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что пра-

вительство должно исключительно покровительствовать первымъ и тѣснить, даже запрещать и уничтожать, послѣднія? Вѣдь земля для людей, а не люди для земли, и справедливость дороже всякаго богатства. Усиленіе производительности земли есть конечно дѣло хорошее; но еще важнѣе то, чтобы земля удовлетворяла потребности большаго по возможности числа людей, и чтобы основанія справедливости не были нарушены. Нельзя запрещать образование большихъ, даже громаднѣхъ имѣній; но еще менѣе возможно, еще менѣе справедливо разрушать, отмѣнять такое учрежденіе, которое обеспечиваетъ большинству людей благо землевладѣнія, хотя и мелкаго, хотя, по исчисленіямъ нѣкоторыхъ агрономовъ, и не особенно выгоднаго въ смыслѣ производительности.

Упрекать общинное землевладѣніе, въ задержкѣ улучшеній по сельскому хозяйству — и несправедливо, и неосторожно. Почти тѣ же упреки можно обратить и къ личному землевладѣнію. Эти два способа землевладѣнія должны, для блага страны, *сосуществовать*. Отсутствіе одного изъ нихъ задерживаетъ въ людяхъ способность почина и останавливаетъ всякое быстрое развитіе и преуспѣяніе. Отсутствіе другаго погружаетъ массы въ нищету и бездомство, и лишаетъ государство устойчивости и спокойствія.

Конечно для всякаго гораздо пріятнѣе и выгоднѣе имѣть землю въ личномъ, чѣмъ общинномъ вла-

дѣніи, въ большемъ чѣмъ въ маломъ количествѣ; но какъ такое благодатное положеніе для всѣхъ крестьянъ невозможно; какъ ни у кого не отнято право приобретать землю въ личную собственность, гдѣ и сколько угодно; и какъ всякій имѣетъ право, по исполненіи извѣстныхъ условій, выходить изъ общины, то упрекать общинное землевладѣніе въ томъ, что оно не доставляетъ всѣхъ выгодъ и удобствъ личнаго землевладѣнія — болѣе чѣмъ странно. Это — какъ-будто жаловаться на то, что пища не утоляетъ жажды, а питія не замѣняютъ хлѣба и мяса. Эти два рода землевладѣнія имѣютъ свойства различныя, и ихъ назначенія вовсе не тождественны. Нѣтъ возможности всѣхъ сдѣлать личными, и притомъ не мелкими, землевладѣльцами; а потому очень полезно, даже необходимо такое землевладѣніе, въ которомъ могло бы участвовать большее по возможности число людей, и которое доставляло бы имъ пріютъ и кусокъ хлѣба. Это именно назначеніе и исполняется общиннымъ землевладѣніемъ, и ничѣмъ другимъ достигнуто быть не можетъ. Не слишкомъ ли тяжки установленныя у насъ условія для выхода изъ общины? Это — дѣло иное; объ этомъ можно толковать, и мы не преминѣмъ также высказать наше, по сему предмету, мнѣніе; но это ни мало не служитъ и не можетъ служить къ осужденію самаго общиннаго землевладѣнія, на которое сыплются обвиненія главнѣйше

потому, что его плохо знают и понимают, или потому что не хотят его знать и понять.

Наше сельское хозяйство слабо развивается и улучшается — это несомненно; но въ этомъ равно виновато, или равно невиновато, какъ личное, такъ и общинное землевладѣніе. Причины этого застоя совершенно пныя, и вовсе не истекающія изъ существа того или другаго способа землевладѣнія. Мы ихъ отчасти указали въ прежде изданномъ сочиненіи — „Наше положеніе“. Здѣсь же противникамъ общиннаго землевладѣнія посоветуемъ одно: покинуть этотъ доводъ и не изощрять оружія, которое легко можетъ быть противъ нихъ обращено.

III. Общинное землевладѣніе удерживаетъ черезполосицу въ крестьянскихъ дачахъ, — это вѣрно. Но это неудобство не обще ли ему съ личнымъ мелкимъ участковымъ землевладѣніемъ? Для уничтоженія черезполосицы, въ этомъ случаѣ, пришлось бы каждому землевладѣльцу выселиться на свой маленькій участокъ; но возможно ли это? У насъ много мѣстъ гдѣ, при рытѣ колодезь, вода едва получается при глубинѣ 15—20 и болѣе сажень; по силамъ ли крестьянину такіе колодези? Къ тому же земли, въ крестьянскихъ, а равно и въ нашихъ личновладѣльческихъ дачахъ, чрезвычайно разнокачественны; какъ развести крестьянамъ угодія такъ, чтобы одинъ не сидѣлъ въ болотѣ, а другой на бугрѣ; чтобы одинъ не получилъ безплодной земли въ то время, какъ другой пріобрѣтетъ одну

хлѣбородную землю; чтобы одинъ не былъ безъ воды, а другой — даже съ излишкомъ воды; чтобы одинъ не жилъ въ глуши, тогда какъ другой будетъ пользоваться выгодами проѣзжей и доходной дороги? Устраивая хуторъ на многодесятинномъ пространствѣ, мы часто затрудняемся въ избраніи мѣста для усадьбы, роемъ пруды, копаемъ колодези, и все-таки остаемся безъ воды, и должны, въ концѣ концовъ, переносить свой хуторъ на иное мѣсто; что будетъ, въ этомъ случаѣ, дѣлать крестьянинъ на своемъ клочкѣ земли? — Теперь коровы, телята, овцы и свиньи пасутся въ общихъ стадахъ, и каждому крестьянину приходится платить за свой скотъ незначительныя деньги; а тогда, при настоящемъ участковомъ хозяйствѣ, придется круглый годъ держать скотъ на дворѣ и давать ему готовый кормъ, или каждому семейству держать скотину на своемъ тѣсномъ участкѣ, за особымъ пастухомъ, и притомъ за надзоромъ не мальчика, который легко можетъ заснуть, а совершеннолѣтняго работника или не дряхлаго старика. Теперь у десяти, двѣнадцати дворовъ имѣется одинъ совмѣстный овинъ, баня, колодезь и проч., тогда каждому хозяину надобно будетъ имѣть свое собственное угодье. Нѣтъ! уничтоженіе черезполосицы въ мелкихъ крестьянскихъ участкахъ болѣе чѣмъ трудно — оно невозможно. Если же оставлять крестьянъ жить въ селеніи, то участокъ одного будетъ присельнымъ, а участокъ другаго — за версту, за двѣ, за три и болѣе верстъ,

и цѣль нашихъ рѣшыхъ агрономовъ и политико-экономовъ не будетъ достигнута. Правда, одинъ членъ многократно нами упомянутой комиссіи предложилъ „предоставить членамъ сельскаго общества отдѣлять, въ частное владѣніе, участки въ томъ видѣ, какъ ими владѣютъ крестьяне безъ приуроченія къ одному мѣсту“; но это средство къ увѣковѣченію череполосицы и къ лишенію и личнаго, и общиннаго способовъ землевладѣнія выгодъ, имъ присущихъ, до того премудро, что оно не нашло сочувствія даже въ бюрократически составленной комиссіи, а внѣ ея можетъ возбудить только смѣхъ и удивленіе. — Череполосица есть конечно неудобство; но она не составляетъ исключительной принадлежности общиннаго землевладѣнія, а неизбежна, по большей части, при всякомъ мелкомъ землевладѣніи; и притомъ ограждаетъ крестьянъ-общинниковъ и другихъ мелкихъ землевладѣльцевъ отъ еще большихъ неудобствъ, сопряженныхъ съ ея отсутствіемъ. И замѣчательно, что крестьяне никогда на нее не жалуются! Видно они много разумнѣе тѣхъ, которые, въ этомъ отношеніи, такъ усердно объ нихъ печалуются.

IV. Говорятъ, что общинное землевладѣніе лишаетъ крестьянъ возможности пахать и сѣять, когда они считаютъ то для себя лучшимъ и болѣе удобнымъ, и принуждаетъ ихъ производить эти работы одновременно съ прочими содачниками. Это только отчасти справедливо: бороновки, двойки, посѣвы и

уборки хлѣбовъ крестьяне производятъ совершенно свободно, по своему усмотрѣнію. Только двѣ работы начинаются крестьянами одновременно: подъѣмъ пара и покосъ. Какъ паръ необходимъ для паствы скота, и какъ у крестьянъ нѣтъ излишка въ уголѣхъ, то начатіе мѣтки пара производится съ согласія всего общества, т. е. по его приговору. Точно также крестьяне приступаютъ къ покосу, и это въ особенности потому, что луга почти вездѣ, за рѣдкими исключеніями, дѣлятся ежегодно, въ чемъ и нѣтъ еще особеннаго неудобства, ибо луга, и при личномъ землевладѣніи, почти нигдѣ не удобряются и не подвергаются особенной обработкѣ. Приговоры для начатія этихъ работъ составляются не посторонними людьми и присылаются не изъ губернскаго или уѣзднаго города, а они утверждаются на мѣстѣ крестьянами, хорошо знающими свои выгоды. Относительно этихъ приговоровъ они дѣйствуютъ совершенно свободно, и даже мироѣды, о которыхъ теперь въ модѣ много говорить, не могутъ имѣть интереса, противнаго выгодамъ остальныхъ поселянъ.

Къ упреку, дѣлаемому общинному землевладѣнію относительно стѣсненій по пахатамъ и посѣвамъ, присовокупляется обыкновенно и другое обвиненіе, а именно то, что общинное землевладѣніе служитъ препятствіемъ къ введенію иныхъ, болѣе выгодныхъ сѣвооборотовъ. На это мы предложимъ нѣсколько вопросовъ: во многихъ ли частныхъ имѣ-

ніяхъ введены у насъ какіе-либо улучшенные сѣвообороты? Оказывается ли вездѣ отъ этого введенія особенная польза? Вездѣ ли теперь у насъ существуютъ тѣ условія, при которыхъ плодоперемѣнная многопольная система хозяйства можетъ доставить настоящія выгоды? Едва ли кто рѣшится на эти вопросы дать утвердительные отвѣты. Къ этому присовокупимъ, что какъ крестьяне, въ различныхъ мѣстностяхъ, сѣютъ различные хлѣба; какъ они тщательно слѣдятъ за тѣмъ, какіе хлѣба выгоднѣе сѣять и какіе перестаютъ давать хорошіе урожаи; и какъ вслѣдствіе того, они, во многихъ мѣстностяхъ, перестаютъ сѣять гречиху и замѣняютъ ее просомъ и картофелемъ; то нѣтъ причинъ отчаяваться и въ томъ, что крестьяне согласятся покинуть и трехпольную систему и введутъ у себя иные сѣвообороты, когда эти измѣненія окажутся дѣйствительно полезными и необходимыми. — Что касается до того, что крестьяне тратятъ много времени на переѣзды съ одного загона на другой, часто отдаленный, то если учесть сколько времени пришлось бы крестьянину, живущему на своемъ участкѣ, тратить на одиночную паству скота, на устройство и содержаніе своего колодца, овина, бани и пр., то конечно не въ невыгоду для общиннаго землевладѣнія оказался бы такой учетъ.

V. Что лучше для поселянъ: жить каждому на своемъ участкѣ или вкупѣ — въ селеніи? Если ихъ назначеніе — производить какъ можно болѣе хлѣба

и мяса, то, быть можетъ, первый образъ жизни выгоднѣе, цѣли-соотвѣтственнѣе. Если же поселяне должны быть во первыхъ людьми и уже затѣмъ — землевладѣльцами, то сожителство людей въ селеніи много предпочтительнѣе одиночному существованію на уединенныхъ, отдѣльныхъ дворахъ. Люди достаточные, живущіе на своихъ хуторахъ, вовсе не остаются въ одиночествѣ: они имѣютъ при себѣ работниковъ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, и, сверхъ того, не лишены средствъ ѣздить къ сосѣдамъ и въ городъ. Бѣдные люди, владѣющіе 3, 4, 5 даже 10 десятинами земли, не имѣютъ работниковъ и не могутъ часто сообщаться съ сосѣдами; слѣдовательно они осуждены на одиночество, на одичалость. Сверхъ того, даже климатическія наши условія противятся разъединенному размѣщенію нашего народонаселенія: суровость зимы, обиліе снѣговъ, метели и проч. не позволяютъ людямъ жить одиночно, хотя и на своей землѣ. Возможно-ли одинокому двору отгрезиться отъ снѣга, который часто заваливаетъ селеніе такъ, что у него только и выходъ, что на улицу. А метели, продолжающіяся по нѣсколькимъ днямъ, прерываютъ всякія сообщенія между разными поселками. Какъ тутъ дѣтямъ посѣщать школы, а взрослымъ обращаться къ сосѣду за какою либо помощью, въ чемъ поселяне постоянно нуждаются? А потому, въ упрекъ, дѣлаемому общинному землевладѣнію, что оно скучиваетъ народонаселеніе, мы видимъ скорѣе

—

—

достоинство, выгоду, чѣмъ недостатокъ — неудобство. Конечно большія селенія изъ тысячи и болѣе душъ представляютъ затрудненія при дѣлѣжкѣ и обработкѣ земли, но число такихъ селеній мало по малу сокращается, и не рѣдко изъ нихъ образуются выселки. Слѣдовательно и въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой надобности въ какихъ либо законодательныхъ постановленіяхъ, и можно только желать, чтобы земскія собранія, предоставленіемъ нѣкоторыхъ льготъ, поощряли расселеніе слишкомъ многочисленныхъ деревень.

VI. Важнымъ неудобствомъ общиннаго землевладѣнія выставляется то, что оно оправдываетъ и дѣлаетъ возможною и необходимою круговую поруку по уплатѣ податей и выкупныхъ платежей. — Сколько словъ, столько и заблужденій или несправедливыхъ обвиненій! Они всѣ исходятъ изъ того, что люди, нападающіе на общинное землевладѣніе, не выжили, или не хотѣли выжить, въ сущность ни его, ни круговой поруки вообще, ни различныхъ ея видовъ. Велика наша бѣда та, что, не углубляясь въ смыслъ явленій, ихъ причинъ и послѣдствій, мы останавливаемся на внѣшности вещей, легкомысленно сочетаемъ понятія, вовсе не сродныя, и охотно повторяемъ чужія слова. Такъ, общинное землевладѣніе мы неразрывно соединяемъ съ круговою порукою, а сію послѣднюю чернимъ и осуждаемъ, не обращая вниманія на то, добро-

вольно ли она принята людьми, или она имъ извнѣ навязана.

Общинное землевладѣніе вовсе не оправдываетъ и не требуетъ круговой поруки; оно можетъ не только безъ нея существовать, но и дѣйствовать съ тѣмъ болѣею самостоятельностью и пользою для крестьянъ, чѣмъ оно свободиѣ отъ обстоятельствъ, вынуждающихъ установленіе или удержаніе этой отвѣтственности членовъ общины другъ за друга. Владѣя землею она, какъ юридическое лицо, конечно должна нести и обязанности, съ этимъ владѣніемъ соединенныя; но, при своихъ распоряженіяхъ, община можетъ устанавливать, на раздачу участковъ, такія условія, которыя бы вполне обезпечивали ей полученіе сбора съ лицъ, пользующихся землею, и устраняли всякую отвѣтственность однихъ членовъ за другихъ; такъ, на примѣръ, она можетъ собирать деньги впередъ, при отводѣ земли, или взыскивать ихъ, не позволяя уборки хлѣба до очистки недоимки, или обращая взысканіе на имущество неплательщика. При этомъ конечно необходимо одно: чтобы выгоды, доставляемыя землею, соответствовали обязанностямъ, на ней лежащимъ. Если послѣднія превышаютъ первыя, т. е. если члены общины должны за свою землю платить дорожѣ, чѣмъ за чужую, по найму, то землевладѣніе перестаетъ быть благомъ и утрачиваетъ свой смыслъ. Въ этомъ случаѣ, имѣетъ ли оно видъ общинный или личный, разницы нѣтъ: люди приходятъ въ

раззореніе и бѣгутъ отъ такой собственности. Общинное землевладѣніе, добровольно принятое, служащее ко благу, а не къ пагубѣ людей, вовсе не нуждается въ круговой поруцѣ, и можетъ безъ нея обойтись; какъ оно безъ нея и обходится въ Швейцаріи, гдѣ о тяжестяхъ круговой поруки нѣтъ и помина. Конечно не такъ дѣло обстоитъ у насъ; но въ этомъ виновато не общинное землевладѣніе, а то обстоятельство, что земли отданы крестьянамъ не по справедливой оцѣнкѣ, а по такой, при которой прежній помѣщикъ иногда вознаграждался не за одну землю, но и за трудъ крестьянъ, для него прекращавшійся. Слѣдовательно тутъ общинное землевладѣніе является не въ простомъ, настоящемъ своемъ видѣ, а въ сопровожденіи обстоятельствъ, ему чуждыхъ и отъ него независимыхъ. Навяжите человѣку, въ личную его собственность, убыточное имущество, и вамъ придется его къ нему приковывать, иначе онъ его покинетъ или отъ него убѣжитъ. А потому, не общинное землевладѣніе требуетъ круговой поруки, какъ и личное землевладѣніе не нуждается въ оковахъ; но и круговая порука и оковы становятся необходимыми вслѣдствіе навязанія людямъ блага, не въ мѣру отягченнаго повинностями.

Для круговой поруки общинное землевладѣніе, правда, служить надежнѣйшимъ основаніемъ; но въ этомъ еще нѣтъ никакой бѣды. Несправедливо въ высшей степени безусловно осуждать круговую

поруку: она можетъ быть для людей столь же благотвѣльною, сколько и тяжкою, даже бѣдственною. Часто крестьяне всѣмъ обществомъ, за круговую порукою, входятъ въ подряды, снимаютъ и даже приобрѣтаютъ земли; сверхъ того, особенно въ виду существованія круговой поруки, правительство рѣшилось оказать крестьянамъ пособіе на выкупъ ихъ надѣловъ отъ прежнихъ помѣщиковъ. Со временемъ общинная земля можетъ сдѣлаться для крестьянскихъ обществъ источникомъ кредита на покупку новыхъ земель или на иные производительные расходы. Въ этихъ различныхъ случаяхъ, круговая порука, усиливая довѣріе постороннихъ лицъ или правительства къ крестьянамъ, и совокупляя ихъ силы воедино, оказываетъ имъ великія благодѣянія; что одинъ человѣкъ не могъ бы предпринять или сдѣлать, то легко исполняется обществомъ, связаннымъ узами общиннаго землевладѣнія. При этомъ важно, необходимо одно условіе: *чтобы ответственность была принята обществомъ на себя по доброй волѣ и безъ всякаго принужденія извнѣ.*

Совершенно иною является круговая порука, когда она обществу навязывается. Къ несчастію, это бываетъ у насъ и часто, и въ случаяхъ весьма важныхъ. Такъ наложена на крестьянскія общества ответственность за исправный ими взносъ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей. Впрочемъ, при этомъ, не сдѣлано различія, находится ли земля въ общинномъ и участковомъ или подворномъ (на-

слѣдственномъ) владѣніи (Общ. полож. о крестьянахъ стр. 187). Тутъ, пожалуй, круговая порука не была бы особенно отяготительна, еслибы, въ числѣ казенныхъ податей не находилась подушная, чрезвычайно усложняющая и затрудняющая раскладку и взысканіе денегъ съ крестьянъ. Но какъ сумма этихъ сборовъ обыкновенно не превышаетъ отъ 15 до 30 % доходности земли, и по большей части взыскивается довольно добронпорядочно и своевременно, то круговая порука, въ этомъ случаѣ, является болѣе угрозою, чѣмъ мѣрою дѣйствительно жестокою. Совершенно иною оказывается круговая порука, когда дѣло идетъ о выкупныхъ платежахъ, и въ особенности по выкупамъ обязательнымъ. Нерѣдко бываетъ, что земли, поступившія крестьянамъ въ надѣлъ, не стоятъ половины, даже третьей части того, что крестьяне обязаны за нихъ платить. Вслѣдствіе этого, они крайне затрудняются въ раскладкѣ земли на души или на работниковъ; никто не хочетъ ее принимать, и приходится наваливать ее съ принужденіемъ; затѣмъ многіе оказываются не въ состояніи платить слѣдующихъ съ нихъ денегъ, и въ концѣ концовъ, когда громъ грянетъ изъ губернскаго города, недонмки взыскиваются уже не съ неплательщиковъ, а съ кого попало, т. е. съ достаточныхъ крестьянъ. Но виновата ли въ этомъ круговая порука?

Еще нѣкоторые обстоятельства, вовсе независимыя отъ общиннаго землевладѣнія и отъ круговой

поруки, разумно и правильно установленной, значительно ее у насъ отягчаютъ и обезображиваютъ. Крестьяне наши, исполняющіе довольно исправно условія, заключаемыя ими всѣмъ обществомъ съ частными лицами, но приученные къ побужденіямъ, со стороны власти предержащихъ, къ уплатѣ казенныхъ повинностей, считаютъ какъ будто неподобающимъ, безъ такихъ требованій, вносить деньги въ казну. Старосты и старшины раздѣляютъ то же мнѣніе и находятъ для себя болѣе удобнымъ молчать и не докучать крестьянамъ напоминаніемъ о вносѣ выкупныхъ платежей. Мировые посредники, уже нѣсколько лѣтъ ожидавшіе упраздненія своей должности, спокойно получали свое жалованье и предавались *dolce far niente*; а казенныя палаты и губернаторскія канцеляріи ограничивались умноженіемъ исходящихъ подтвердительныхъ номеровъ. Бываетъ и то, что, послѣ утвержденія выкупныхъ сдѣлокъ или помѣщичьихъ заявленій объ обязательномъ выкупѣ, по два, по три года не объявляютъ крестьянамъ о количествѣ слѣдующихъ съ нихъ платежей въ казну и о срокѣ ихъ взносов. — Но вдругъ губернаторъ назначаетъ срокъ для взысканія недонмокъ по выкупнымъ платежамъ; тутъ скачутъ и посредникъ, и исправникъ, и становые пристава; крестьяне должны въ нѣсколько дней уплатить двух-трехлѣтнія недонмки. Тутъ описывается вся скотина селенія; она иногда и продается, или крестьяне, за жидовскіе проценты, занимаютъ

деньги, и вслѣдствіе того оказываются на нѣсколько лѣтъ разоренными.

Но какъ эти обстоятельства, такъ и обязательно возложенная на крестьянъ отвѣтственность за выкупные платежи, развѣ составляютъ необходимыя принадлежности круговой поруки, а тѣмъ еще менѣе — общиннаго землевладѣнія? Основывать на такихъ случайныхъ, чисто внѣшнихъ обстоятельствахъ, обвиненіе противъ общиннаго землевладѣнія и круговой поруки — не значитъ ли дѣйствовать если не недобросовѣстно, то, по меньшей мѣрѣ, крайне легкомысленно и ошибочно?

Мы вовсе не думаемъ обвинять правительство ни въ томъ, что оно, въ прошломъ столѣтіи, несправедливо основало на круговой поруцѣ уплату подушныхъ податей, ни въ томъ, что, при освобожденіи крестьянъ, оно удержало этотъ подрядокъ для сбора казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей. Тѣмъ еще менѣе расположены мы упрекать правительство въ томъ, что оно утвердило выкупъ земель на круговой отвѣтственности обществъ за слѣдующіе съ нихъ платежи. Нѣтъ! мы вполне признаемъ, что эти мѣры, въ свое время, были необходимы и соответствовали тогдашнимъ нуждамъ. Мы даже съ особенною благодарностью относимся къ послѣдней мѣрѣ, ибо сознаемъ, что, помимо круговой поруки, не на чемъ было основать выкупъ земли крестьянами. Если при этомъ допущена была одна несправедливость — слишкомъ высокая,

въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, оцѣнка земли, и, вслѣдствіе того, возложены на крестьянъ несоразмѣрные за нее платежи, то это произошло отъ того, что необходимо было избѣжать еще болѣе несправедливости, впоследствии уже неисправимой; а именно — не назначенія помѣщикамъ нѣкоторыхъ мѣстностей достаточнаго вознагражденія за крестьянскій трудъ и оброкъ, на которые они имѣли законное право и которыхъ они лишались. Тогда необходимо было окончательно разрѣшить вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, объ удовлетвореніи помѣщиковъ за права и земли, отъ нихъ отходяшія, и о выкупѣ послѣднихъ крестьянами въ полную ихъ собственность. Слишкомъ высокіе платежи, наложенные на крестьянъ за выкупаемыя земли, теперь могутъ и должны быть сокращены до размѣровъ справедливости. Совершить это дѣло нынѣ столь же необходимо и не терпитъ отлагательства, сколько прежде было необходимо вознаградить надлежащимъ образомъ помѣщиковъ за отчуждавшіяся отъ нихъ имущества.

Изъ сказаннаго нами мы, кажется, вправѣ вывести, что общинное землевладѣніе вовсе не связано неразрывными узами съ круговою порукою, и вовсе въ ней не нуждается; что круговая порука вообще нимало не заслуживаетъ того осужденія, того негодованія и презрѣнія, которыми теперь се чествуютъ, и что бѣдствія, нынѣ ею причиняемыя, истекаютъ не изъ ея существа, а изъ обстоятельствъ, отъ нея

независящих и ей чуждых. А потому люди, выдающие себя радителями о пользах общих, и крестьянских — в особенности, должны бы, не тратя времени на розыски несуществующих причин разстройства крестьянских хозяйств и на оклеветание общинного землевладения и круговой поруки, обратить внимание на то, что действительно разоряет и губит крестьян, а именно: — на замѣну подушных податей, неправильно основанных на круговой порукѣ, налогами всесословными, соразмѣрными съ достаткомъ каждаго гражданина, и платимыхъ имъ за себя лично; — на переоцѣнку обязательно выкупленныхъ крестьянскихъ земель съ отнесениемъ уплаты этихъ излишковъ на общія государственныя средства*); и

*) Пожалуй, наши финансеры всплеснутъ руками и скажутъ: „Да откуда Правительству взять деньги на совершение этой операціи? Наши бюджеты хотя и представляются съ излишкомъ доходовъ противъ расходовъ, однако, по милости обычныхъ у насъ сверхсѣтныхъ расходовъ, мы не обходимся на дѣлѣ безъ дефицитовъ, и даже — значительныхъ. На предлагаемую операцію потребуется не менѣе сотни милліоновъ; откуда же ихъ взять?“ — Мы вовсе не считаемъ положеніе нашихъ финансовъ блестящимъ и даже удовлетворительнымъ, а тѣмъ еще менѣе расположены увеличивать и безъ того огромную сумму нашихъ расходовъ; но мы думаемъ, что всякую несправедливость, какъ частный человѣкъ, такъ и правительство, обязаны исправитъ, какъ только они се сознаютъ и имѣютъ къ тому малѣйшую возможность. Крестьяне, платящіе за землю вдвое, втрое противъ дѣйствительной ея стоимости, выбиваются изъ силъ, приходятъ въ разореніе и не въ состояніи даже очинять обыкновенные налоги и сборы. Это для правительства и невыгодно, и должно быть весьма тяжело. Какъ

на улучшеніе администраціи вообще. Всѣ эти дѣла исполнѣ во власти Правительства, не сопряжены съ особенными затрудненіями или невозможностями, нисколько не противорѣчатъ духу народному и

прежде необходимо было вознаграждать помѣщиковъ за то, чего они лишались, т. е. земли и труда крестьянъ, такъ теперь неизбежно снѣтъ съ послѣднихъ обязанность платить за землю излишки противъ ея стоимости, которые представляютъ выкупъ за личность освобожденную, въ большей части Россіи, безвозмездно. Мадить этому мѣрою нельзя; разореніе крестьянъ идетъ спешендо, и умные отнимаютъ у нихъ всякую охоту къ труду. Чѣмъ скорѣе сбыть эту бѣду, тѣмъ выгоднѣе не только для крестьянъ, но и для всего государства.

Что касается до сотни милліоновъ, будто потребныхъ на исполненіе предлагаемой мѣры, то это не совсѣмъ вѣрно. Во 1^ю мы не думаемъ, чтобы, при переоцѣнкѣ земель, перешедшихъ къ крестьянамъ, по слишкомъ возвышенной оцѣнкѣ, оказался нѣмѣ такой значительный недочетъ; ибо земли вездѣ въ послѣдніе 18 лѣтъ значительно вздорожали, и сверхъ того, количество земель произвольно оцѣненныхъ не очень значительно: въ средней и во всей черноземной Россіи не окажется ни одной десятины, подлежащей переоцѣнкѣ; почти тоже можно сказать и о всѣхъ крестьянскихъ дачахъ, прилегающихъ, въ остальныхъ мѣстностяхъ, къ судоходнымъ рѣкамъ, къ городамъ и къ разнымъ промышленнымъ и торговымъ селеніямъ; во 2^ю, какъ всѣ земли, слишкомъ высоко оцѣнены, уже представлены помѣщиками на обязательный выкупъ, то теперь нѣтъ надобности что-либо выплачивать помѣщикамъ, а придется только сложить съ крестьянъ излишки ежегодныхъ платежей, и ихъ покрывать изъ общихъ государственныхъ средствъ. На это, полагаемъ, потребуются не болѣе, а вѣроятно менѣе пяти милліоновъ въ годъ. Думаемъ, что покрытіе такой суммы, при постоянномъ возрастаніи нашихъ государственныхъ доходовъ, не затруднитъ наше финансовое вѣдомство, и особенно, если вмѣстѣ съ тѣмъ, по другимъ отраслямъ нашего управленія, будутъ сдѣланы нѣкоторыя сокращенія въ расходахъ. — Исправленіе вопиющей несправедливости,

представляют самую надежную и производительную почву для улучшения общаго благосостоянія.

VII. Много говорят о деспотизмѣ сельскихъ сходовъ, о міроѣдахъ, о ведрахъ вина, какъ необходимыхъ принадлежностяхъ крестьянскаго самоуправления и о пр. Въ этомъ много справедливаго, но далеко не все. И въ нашемъ земскомъ устройствѣ, и въ европейскомъ конституціонализмѣ, и даже въ Англійскихъ и Сѣверо-американскихъ учрежденіяхъ, имѣются недостатки; и тамъ бываютъ злоупотребленія и весьма не малыя. Несовершенство есть удѣлъ всего человѣческаго. Чѣмъ болѣе просвѣщенія, развитія въ людяхъ, тѣмъ темныя стороны уступаютъ болѣе мѣста сторонамъ свѣтлымъ. Наше крестьянство, послѣ многовѣкового крѣпостнаго состоянія, не могло вдругъ твердо стать на ноги. Помѣщичій произволъ отчасти воскресъ въ произволѣ сходовъ; прикащики безпорядки и злоупотребленія ожили въ нѣкоторыхъ продѣлкахъ волостныхъ старшинъ, писарей и судей, сельскихъ старостъ и сборщиковъ. По мѣрѣ возмужанія крестьянъ, самоуправленіе ихъ несомнѣнно улучшится; усиленіе въ нихъ образованія и примѣръ уваженія къ закону со стороны разныхъ властей и лицъ просвѣщенныхъ — суть единственные сред-

погружающей въ разореніе два, три милліона жителей обоаго пола, право, много полезнѣе, чѣмъ умноженіе бюрократическихъ должностей, разныя постройки и расходы, производимыя съ цѣлью бросить пылъ въ глаза иностранцамъ.

ства къ улучшенію порядковъ въ крестьянскихъ обществахъ, а уже конечно къ тому не приведутъ ограниченія крестьянскихъ правъ или какія либо вышнія опеки. Что касается до міроѣдовъ, то ихъ гораздо менѣе, чѣмъ вообще полагаютъ. Слово „міроѣдъ“ очень выразительно и типично; дѣйствія такого лица очень способны быть описаны и живо представлены; лицо міроѣда и его дѣянія доставляютъ богатый матеріалъ для юмористическихъ очерковъ и народныхъ повѣстей. Вотъ почему міроѣды и ужасы, ими совершаемые, сдѣлались у насъ фактомъ несомнѣннымъ и сильнымъ доводомъ противъ общиннаго землевладѣнія. На дѣлѣ однако вещи являются въ иномъ видѣ. Конечно общинное землевладѣніе значительно усиливаетъ и расширяетъ власть общества на его членовъ; но въ этомъ не только теперь, а и позднѣе, въ крестьянскомъ быту, бѣды нѣтъ; нѣкоторый надзоръ крестьянскаго общества за его членами и нѣкоторая его надъ ними опека, полезны и необходимы; вообще же едва ли можно упрекнуть міръ въ слишкомъ строгихъ, жесткихъ или придирчивыхъ дѣйствіяхъ. Это не въ характерѣ русскаго человѣка. Если большинство, состоящее изъ людей малодостаточныхъ, гнѣтъ въ одну сторону, то меньшинство крестьянъ богатыхъ, одолающихъ первыхъ, тянетъ въ противоположную сторону, и на оборотъ. Одни берутъ числомъ, а другіе богатствомъ, развитіемъ, вліяніемъ. Изъ этого выходятъ сдѣлки, которыя и утверждаются

1. ~~_____~~

общественными приговорами. Бываютъ приговоры несправедливые; бываютъ и такіе, которые составляютъ старшинами и писарями, безъ вѣдома общества; но развѣ не случается, что исправники съкутъ купцовъ, за не дачу имъ денегъ въ займы, что губернаторы, безъ всякихъ законныхъ причинъ, уничтожаютъ дѣйствія земскихъ собраний, и что издаются законы, дѣйствующие прямо противъ цѣли, имѣвшейся, при ихъ составленіи, въ виду? Исключенія не могутъ служить къ опороченію самаго правила. — Что касается до мірошниковъ, то ихъ вовсе не такъ много, какъ думаютъ, и они вовсе не такъ звѣрообразны, какъ ихъ полагаютъ. Такіе люди кой-гдѣ по временамъ являются; но сила и устойчивость общества ихъ по большей части скорѣ слабеетъ. Крестьянство отстояло свою самостоятельность, свои нравы и обычаи противъ всемогущаго крѣпостнаго права; не подчинится же оно на долго какому нибудь продохамъ, ищущимъ жить на счетъ всего міра. Такія опасенія могутъ имѣть только люди, не знающіе нашихъ крестьянъ, или находящіе выгоднымъ сентиментальничать на ихъ счетъ.

Говорятъ, что община, и неразлучный съ нею деспотизмъ мірскихъ сходовъ и сельскихъ начальниковъ, нарушаютъ и стѣсняютъ личныя права и дѣйствія крестьянъ. Изъ того, что мы уже сказали, и что еще скажемъ при разборѣ слѣдующаго обвиненія, вводимаго на общину, ясно кажется,

что эти стѣсненія и нарушенія свободной воли крестьянъ вовсе незначительны и для нихъ не тягостны. Здѣсь мы считаемъ нужнымъ замѣтить только слѣдующее. Конечно личныя права крестьянъ должны быть по возможности широки и ихъ дѣйствія — свободны; но пространство первыхъ и самостоятельность последнихъ не нарушается ли нѣкоторыми обстоятельствами несравненно болѣе, чѣмъ распорядами сельскихъ сходовъ? Нищета и зависимость отъ внѣшней обстановки не стѣсняютъ ли личности много болѣе, чѣмъ самая бдительная и самая строгая община? Въ существѣ ли общины коренится деспотизмъ или истекаетъ онъ изъ другихъ побочныхъ причинъ? Одни ли крестьяне-общинники стѣснены въ своей дѣятельности, или и другія состоянія раздѣляютъ съ ними это тяжелое положеніе? Едва ли кто рѣшится въ этомъ отношеніи дать отвѣты не выгодные только для общины. Община, какъ мы видѣли, ограждаетъ по возможности, крестьянъ отъ нищеты и зависимости отъ достаточныхъ людей, нуждающихся въ ихъ трудѣ. Община, какъ совокупность крестьянъ, вовсе не расположена себя стѣснять безъ особенной необходимости; напротивъ того, какъ ни кто себѣ не врагъ, въ существѣ общины заключается залогъ, источникъ свободы для каждого изъ ея членовъ. Если теперь мы этого добраго дѣйствія не видимъ, то причиною не то ли, что вообще у насъ на Руси нигдѣ нѣтъ свободы и обезпеченности, и что никакое

состояніе не можетъ или похвалиться? Развѣ мы можемъ свободно высказывать наши мнѣнія? Развѣ мы имѣемъ право собираться, когда и гдѣ хотимъ, для обсужденія нашихъ нуждъ? Развѣ мы знаемъ, какое постановленіе завтра сдѣлается для насъ обязательнымъ? Развѣ мы увѣрены, что завтра мы не будемъ тамъ, гдѣ быть мы вовсе не желаемъ? — Если мы хорошенько вдумаемся въ наше положеніе, то мы легко убѣдимся, что произволъ общины есть только слабое отраженіе общаго, у насъ господствующаго произвола, и что нападать на злоупотребленія власти въ общинѣ есть тоже, что видѣть сучекъ въ чужемъ глазу, а не видѣть въ своемъ и цѣлаго бревна. Община сдѣлается конечно менѣе произвольною въ отношеніи къ крестьянамъ, какъ только законность вообще у насъ воцарится и утвердится; и эта надежда основана на томъ, что люди вѣрнѣе и скорѣе доставляютъ и обезпечиваютъ себѣ всякое благо, чѣмъ могутъ то сдѣлать посторонніе лица и даже такіе крестьянскіе доброжелатели, какими себя выдаютъ враги общины.

VIII. Упрекаютъ общинное землевладѣніе въ томъ, что оно ограничиваетъ и даже убиваетъ способность почина въ крестьянахъ вообще, и увѣчиваетъ у нихъ старые обычаи и способы какъ обработки земли, такъ и сельской промышленности. Конечно общинное землевладѣніе не имѣетъ назначеніемъ вызывать, въ членахъ крестьянскихъ обществъ, способность почина; личное землевладѣніе;

будучи удѣломъ людей достаточныхъ, даетъ имъ болѣе средствъ къ образованію, какъ ихъ собственному, такъ и ихъ дѣтей, и возбуждаетъ въ нихъ большую дѣятельность, какъ умственную, нравственную, такъ и матеріальную. Но между невызываніемъ и убиваніемъ есть огромная разнища. Въ великороссійскихъ губерніяхъ, вездѣ существуетъ общинное землевладѣніе; а между тѣмъ сколько имѣется селеній, гдѣ кустарная промышленность процвѣтаетъ, и гдѣ, по ея милости, крестьяне живутъ весьма достаточно. На нашихъ глазахъ, въ Сапожновскомъ уѣздѣ (Рязанской губерніи), сперва въ одномъ, а теперь уже въ нѣсколькихъ селеніяхъ, развилась машинная промышленность такъ, что вывозится оттуда въ разные концы Россіи ежегодно до 3000 молотильныхъ машинъ. А сколько крупорушелоковъ, вѣтрянокъ и маслбоекъ устроивается по деревнямъ! Если бы общинное землевладѣніе уничтожало въ крестьянахъ предпримчивость, то конечно не развилась бы у насъ кустарная промышленность, и не устроивались бы разныя промышленныя заведенія. Если бы общинное землевладѣніе притупляло способности крестьянъ, то конечно они не отличались бы смѣтливостью и находчивостью, качествами, въ которыхъ едва ли кто рѣшится отказать нашимъ крестьянамъ. Итъ! общинное землевладѣніе не только не препятствуетъ развитію способностей въ крестьянствѣ, но, напротивъ того, оно значительно ему содѣйствуетъ тѣмъ,

что ограничиваетъ и уменьшаетъ нищету, и поддерживаетъ, въ крестьянствѣ, самостоятельность и устойчивость, два свойства, которыхъ мы не находимъ ни въ Польскихъ, ни въ Остзейскихъ крестьянахъ, не пользующихся общиннымъ землевладѣніемъ.

IX. Теперь мы подходимъ къ послѣднему и весьма важному упреку, дѣлаемому общинному землевладѣнію. Оно, по словамъ его противниковъ, прикрѣпляетъ крестьянъ къ мѣсту ихъ жительства, и тѣмъ препятствуетъ свободному передвиженію людей, что особенно вредно въ Россіи, гдѣ огромныя пространства земли, за недостаткомъ рукъ, остаются безъ надлежащаго воздѣлыванія. — Недостатокъ ли это или достоинство общиннаго землевладѣнія? — Мы склонны признать въ этомъ наиболѣзньѣе его свойство, особенно для Россіи. Если бы наша страна предназначена была только доставлять Европѣ хлѣбъ да мясо, какъ нѣкогда степныя деревни снабжали своихъ владѣльцевъ мукою, крупами, овсомъ и живностью, то конечно слѣдовало бы протурить всѣхъ крестьянъ изъ сѣверныхъ губерній на югъ и востокъ имперіи, снабдить ихъ плугами и заставить ихъ усиленно орать землю. Но, слава Богу, мы не степная деревня Европы, а страна сама по себѣ. Намъ нужны, очень нужны и мануфактуры. Мы должны стараться быть по возможности независимыми отъ другихъ странъ, и, только при этомъ условіи, мы

будемъ народомъ и государствомъ самостоятельнымъ. Мануфактуры особенно процвѣтаютъ въ губерніяхъ, гдѣ почва малоплодородна; что стало бы съ нашими фабриками и заводами, если бы обитатели сѣверныхъ и нѣкоторыхъ центральныхъ мѣстностей двинулись въ тѣ страны, гдѣ пшеница и просо рождаются безъ удобренія? Въ 1870 году опасались народнаго переселенія съ скудныхъ земель сѣвера на богатые нивы юга и юго-востока, а теперь ставятъ въ вину общинному владѣнію то, что оно удерживаетъ крестьянъ отъ этого переселенія! Мы думаемъ, что общинное землевладѣніе дѣйствительно прикрѣпляетъ крестьянъ къ мѣсту ихъ жительства; и въ этомъ великая его заслуга странѣ такой, какъ Россія, гдѣ чрезвычайно разнообразны и почва, и климатъ, и другія бытовья условія. Излишка въ народонаселеніи у насъ нигдѣ нѣтъ: почти вездѣ огромныя пространства земли ожидаютъ приложения человѣческаго труда къ ихъ воздѣлыванію; а гдѣ такихъ пустырей нѣтъ, тамъ мануфактуры не менѣе ихъ нуждаются въ человѣческихъ рукахъ. Слѣдовательно намъ нѣтъ надобности поощрять передвиженіе народонаселенія изъ одного мѣста въ другое; и это тѣмъ бесполезнѣе, что нашъ народъ хорошо знаетъ, гдѣ, въ какое время и какіе именно рабочіе особенно нужны, и онъ охотно туда отправляется на заработки. Теперь въ Европѣ особенно страдаютъ отъ того, что люди стремятся въ города не на однѣ заработки, а на житѣе; у насъ

же, по милости общиннаго землевладѣнія, люди ходятъ въ города, добываютъ тамъ деньги, но ихъ постоянно тянетъ въ деревню, и, на праздники и во всякое другое свободное время, они спѣшатъ на свою родину, и не составляютъ въ городахъ пролетаріата, особенно опаснаго для государства вообще. А потому считаемъ здѣсь весьма умѣстнымъ примѣнить къ общинному владѣнію въ Россіи извѣстное выраженіе: если бы его не было, то слѣдовало бы, для пользы Россіи, его изобрѣсти.

Разсмотрѣвши довольно обстоятельно всѣ обвиненія, вводимыя на общинное землевладѣніе, мы теперь, кажется, вправѣ признать полную ихъ несостоятельность, и можемъ только подивиться тому, что они такъ долго, такъ часто и съ такою настойчивостью и самоувѣренностью многими повторяются. Это обстоятельство весьма замѣчательно и заслуживаетъ, въ свою очередь, тщательной оцѣнки.

Мы уже сказали, что нападенія дѣлаются изъ разныхъ лагерей и внушаются побужденіями даже противоположными. Мы хорошо понимаемъ побужденія такъ называемыхъ крѣпостниковъ. Они вполне правы, дѣйствуя такъ, какъ они дѣйствуютъ. Общинное землевладѣніе, лишая крестьянъ права продавать свои мелкіе земельные участки, и обезпечивая имъ право на землю, принадлежащую обществу, тѣмъ самымъ сообщаетъ имъ нѣкоторую самостоятельность, нѣкоторую независимость: большинство изъ нихъ уже не въ рукахъ сосѣднихъ

землевладѣльцевъ и своихъ богатыхъ собратій-крестьянъ. Вотъ что вполне объясняетъ согласіе показаній большинства землевладѣльцевъ и того меньшинства крестьянъ-старшинъ, сельскихъ богатей, которые случайно попали въ Высочайше учрежденную комиссію и были тамъ опрошены. Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, общинное землевладѣніе есть великая помѣха къ расширенію ихъ власти и ихъ вліянія или, вѣрнѣе сказать, — ихъ гнета на крестьянъ. Спрошенные крестьяне, какъ люди русскіе, слѣдовательно весьма смѣтливые, скоро и хорошо поняли, что ихъ отвѣты, въ смыслѣ осужденія общиннаго землевладѣнія, будутъ пріятны вопросителямъ и выгодны собственно для нихъ, отвѣтчиковъ; а потому они охотно распространялись на счетъ бѣдствій отъ этого общаго для нихъ камня преткновенія. А крѣпостники, ободренные этимъ примѣромъ, и зная также общее нерасположеніе администраціи, и вопросителей въ особенности, къ общинному землевладѣнію, были неистощимы въ жалобахъ на этого своего упорнѣйшаго врага. Какъ эгоизмъ есть самое постоянное и самое сильное побужденіе въ большинствѣ людей, то и не удивительно, что нападки на общинное землевладѣніе и всякаго рода злословія на него охотно и непрестанно высказываются людьми, для которыхъ оно непріятно и невыгодно; ибо они знаютъ, что при упорномъ повтореніи одного и того же, все таки что-нибудь да остается въ умѣ и

чувствахъ слушателя! Calomniez, calomniez sans cesse, il en restera toujours quelque chose! Следовательно это и естественно, и вполне понятно; но не естественно и не понятно враждованіе людей либеральныхъ противъ общиннаго землевладѣнія. Такое враждованіе можно объяснить себѣ только слѣдующими обстоятельствами.

Наши либеральные люди почти всѣ — ученики западной школы. Тамъ идеи не общества, а общины такой, какая существуетъ у насъ на Руси, — не существуетъ. Въ замѣнъ этой идеи возникла тамъ идея о коммунѣ, которая есть ничто иное, какъ ублюдокъ, карикатура нашей общины. При сильномъ и одностороннемъ развитіи личностей, ихъ правъ и требованій; при подавленіи присущаго человѣку влеченія къ общинности; при огромныхъ богатствахъ, сосредоточенныхъ въ рукахъ немногихъ, и при страшной нищетѣ и бездомствѣ народныхъ массъ, коммуна на западѣ не могла не возникнуть. Измѣняя свои образы и способы дѣйствія, она должна тамъ все болѣе и болѣе распространяться и укрѣпляться; въ будущемъ она грозитъ Европѣ страшными потрясеніями и великими бѣдствіями. Наша община есть полнѣйшая противоположность западной коммуны. У насъ она — самородокъ, — наслѣдіе отъ временъ минувшихъ; тамъ она создается и притомъ не естественно, не спокойно, не постепеннымъ развитіемъ обстоятельствъ и человѣческихъ потребностей, а насиль-

ственно, вслѣдствіе измышленныхъ какихъ то теорій, поддерживаемыхъ крайне неудовлетворительнымъ общественнымъ положеніемъ массъ и возбужденными страстями. Наша община спокойна, миролюбива, до высшей степени консервативна; коммуна, по существу своему, воинственна, задорна и разрушительна. Наша община не есть только гражданское учрежденіе; се животворятъ и скрѣпляютъ и узы родства, и единство обычаевъ и убѣжденій, и общее землевладѣніе; въ ней жизнь истинная, сильная и полная; она вынесла на своихъ плечахъ крѣпостное право и сохранила человѣчность въ крестьянствѣ. На западѣ, коммуна есть какое-то фантастическое произведеніе, не имѣющее дѣйствительной жизни и ищущее всѣми средствами выдѣрнуться, на счетъ уже существующаго, въ общественный и государственный бытъ людей. Въ нашей общинѣ люди работаютъ для себя, лично пользуются пріобрѣтеннымъ, остаются свободными распорядителями своєю дѣятельностью и своимъ имуществомъ; стѣсняются въ этомъ отношеніи лишь на столько, на сколько это, ради существованія общины, неизбежно, и пуще всего — они сохраняютъ, во всей цѣлости, свой семейный бытъ. На западѣ, въ основу коммунизма положены какія то премудрыя правила (всякому, по мѣрѣ его нужды; отиѣна наслѣдованій; уничтоженіе семейныхъ узъ; какая-то обязательность для правительства доставлять работу; и пр.); такія правила раз-

..

рушаютъ и общественный, и частный бытъ и могутъ вести только къ разврату и ко всякаго рода безпорядкамъ. Сущесгвующія во Франціи *communes* и въ Германіи *Gemeinde* созданы закономъ, и имъ же очерченъ кругъ ихъ дѣйствія — онѣ просто низшія административныя единицы. Наши общины таковы только отчасти; преимущественное же значеніе онѣ имѣютъ въ смыслѣ общественномъ. Законъ призналъ ихъ существованіе; но ему еще, слава Богу, не удалось ихъ „регулировать“. Трудно дать на словахъ понятіе о всѣхъ свойствахъ нашей общины; чтобы вполне усвоить себѣ понятіе о ней, надо видѣть ея дѣйствія на самомъ дѣлѣ, быть съ нею въ настоящихъ, живыхъ отношеніяхъ, и проникнуться ея духомъ. Не мудрено, что иностранцы не понимаютъ этого нашего учрежденія: Гакстаузенъ, прожившій нѣсколько времени въ Россіи, и имѣвшій самыя частыя и близкія сношенія съ людьми, глубоко убѣжденными въ превосходствѣ нашей общины, усвоилъ себѣ о ней только теоретическія понятія. Изъ иностранцевъ, съ которыми мнѣ случилось бесѣдовать о русской общинѣ, только одинъ понялъ ея сущность — то былъ живой, геніальный Кавуръ. Въ заключеніе нашихъ очень продолжительныхъ разговоровъ объ этомъ предметѣ, онъ мнѣ сказалъ: „Да, я вижу что вы имѣете такое учрежденіе, которое спасетъ васъ отъ многихъ бѣдствій, нынѣ терзающихъ Европу и грозящихъ ей въ будущемъ нескончаемыми безпорядками.

Вы очень счастливы; для васъ будущность не страшна.“*) — Грустно то, что не одни иностранцы, но и весьма многіе Русскіе, воспитанные на иностранныхъ книгахъ, никакъ не могутъ усвоить себѣ настоящее понятіе о русской общинѣ, и потому люди, вполне благонамѣренные, искренно желающіе добра крестьянамъ, думаютъ имъ служить, требуя отмены общиннаго землевладѣнія. Большинство людей образованныхъ, къ несчастью, еще не можетъ смотрѣть на вещи своими глазами и думать своимъ умомъ. И вотъ почему, ослѣпленные и очарованные западными фразами о личной независимости, многіе наши либералы требуютъ отмены общиннаго землевладѣнія, какъ завершенія великаго дѣла освобожденія крестьянъ.

Изъ сказаннаго нами ясно, какое значеніе имѣютъ тѣ „почти единогласные отзывы всѣхъ выслушанныхъ въ комиссіи лицъ и собранныхъ ею

*) Написавши это, я, признаться, опасался чтобы не подумали, что я клевету на покойника; а потому мнѣ особенно пріятно было прочесть въ книгѣ г. Лавеле слѣдующія строки: „Увѣряютъ что Кавуръ сказалъ одному русскому дипломату: „Владычество въ Европѣ доставятъ Россіи не ея многочисленныя арміи, а ея общинныя учрежденія.“ Разсказываютъ, что Прусскій Король Фридрихъ Вильгельмъ IV въ 1848 году воскликнулъ: „Теперь начинается славянскій историческій періодъ.“ (De la propriété etc., p. 39.) А наши государственные люди всячески хлопочутъ о томъ, какъ бы стирать, уничтожать наши особенности и превратить нашу страну въ жалкій сколокъ то съ Франціи, то съ Пруссіи, и для этого направляютъ свои усилія въ особенности противъ нашего общиннаго устройства!

письменныхъ заявленій“ объ общинномъ землевладѣніи — отзывы, на которые коммиссія съ особеннымъ удовольствіемъ, и видимою гордостью, многократно ссылается. Очевидно, что всѣ эти отзывы истекаютъ или изъ эгоистическихъ побужденій, или изъ невѣденія, или слабаго знанія свойствъ общиннаго землевладѣнія.

Мы стоимъ за сохраненіе общиннаго землевладѣнія по весьма многимъ причинамъ. Мы стоимъ за него въ видахъ пользы для крестьянства, для страны вообще и для самаго правительства.

Земледѣльческій классъ въ богатой Англіи находится въ самомъ жалкомъ положеніи:*) землевладѣльцы тамъ суть ничто иное, какъ батраки безпріютные, живущіе то тутъ, то тамъ, и даже — въ городахъ; ихъ спасаетъ отъ отчаянія только практическій умъ фермеровъ, старающихся удерживать у себя однихъ и тѣхъ же работниковъ, и не слишкомъ обижать ихъ платежами за работу. Теперь происходятъ тамъ strikes (забастовки) сельскихъ рабочихъ, конечно невыгодныя для фермеровъ, но еще болѣе тяжкія для составителей этихъ союзовъ.**)

*) Кто въ этомъ сомнѣвается, тотъ можетъ убѣдиться въ вѣрности этихъ словъ въ прекрасной книгѣ: *Pauperism. its causes and remedies.* by H. Fawcett. London. 1871.

**) Вотъ что Лавеле говоритъ о положеніи рабочихъ въ Англіи и объ опасностяхъ, угрожающихъ личной собственности: „Пламенное стремленіе къ болѣе уравнительному раздѣлу произведеній

цель также батраки, и ихъ бѣдственное положеніе умѣряется только тѣмъ, что число нанимателей довольно значительно, что соперничество между ними еще существуетъ, и что, въ крайнихъ случаяхъ, отвергаетъ рабочимъ свои радушныя объятія Америка, гдѣ уже поселилось много ихъ соотечественниковъ.

— Во Франціи, большая часть крестьянъ суть личные собственники, живущіе одиноко, почти одичало на своихъ мелкихъ клочкахъ. Это житіе такъ мало отраднo, что мечтою каждаго французскаго крестья-

труда одушевляетъ теперь рабочіе классы всѣхъ странъ. Въ Англіи, оно волнуетъ и вооружаетъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ; подобное же движеніе охватываетъ и сельскихъ рабочихъ. Очевидно, что оно сильно угрожаетъ собственности въ томъ видѣ, въ какомъ она устроена въ Англіи. Сельскіе рабочіе потребуютъ свою долю изъ земельной выручки, и если имъ въ томъ откажутъ, то они отправятся за море и тамъ еѣ получать. Для удержанія ихъ на родинѣ, имъ вѣроятно предоставятъ право голоса при выборахъ. Этимъ опасность не устранится: число избирателей увеличится, тогда какъ число землевладѣльцевъ все болѣе и болѣе сокращается; законы, покровительствующіе этому сосредоточенію богатствъ, удерживаются, тогда какъ идеи о равенствѣ распространяются и усиливаются. Удерживать владѣніе землею въ видѣ строгой привилегіи, и усиливать политическія права тѣхъ, которые безусловно лишены пользованія ею, — значитъ вызывать и облегчать мѣры къ уравненію состояній, т. е. возбуждать революцію. А потому и неудивительно, что мысль о возвращеніи народу владѣнія землею (*nationalisation of land*) нашла въ Англіи всего болѣе сторонниковъ и произвела самое сильное дѣйствіе. Страна, всего болѣе удалившаяся отъ первобытнаго устройства земельной собственности, осуждена, кажется, подвергнуться въ общественномъ отношеніи и самымъ большимъ опасностямъ.“ (*De la propriété etc.*, стр. 142.)

линина составляет переселеніе въ городъ. У насъ мѣщанинъ, въ глазахъ крестьянина, есть вообще существо жалкое, малоуважительное, пробавляющееся болышею частью шеромыслинствомъ и ищущее поселиться гдѣ-нибудь въ деревнѣ, и тутъ кое-какъ и кой-что добывать на свой прожитокъ. Напротивъ того, горожанинъ, въ глазахъ французскаго крестьянина, есть лицо высшее и болѣе образованное и болѣе почетное. Наше крестьянство по милости надѣленія его землею въ общинное владѣніе, находится въ состояніи самомъ благопріятномъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, для его самостоятельности. Земля общинная отчуждаема быть не можетъ; а потому она составляетъ неприкосновенный фондъ, обезпечивающій крестьянамъ навсегда пріютъ и кусокъ хлѣба. Она даетъ имъ возможность идти даже на дальнія заработки, оставляя семейства дома и сохраняя за ними прочную оседлость, какъ для ихъ возврата по окончаніи работъ, такъ и на случай неимѣнія таковыхъ въ виду. Русскіе люди такъ высоко цѣнятъ это удобство, что многіе изъ дворовыхъ, освобожденныхъ, какъ извѣстно, безъ земли, стараются сколотить сколько-нибудь денегъ, прибрѣтаютъ отъ крестьянскихъ обществъ за годичную плату, иногда довольно высокую, клочекъ усадебной земли въ пользованіе, и ставятъ тутъ для себя домики. Имѣя жилье и участокъ земли, крестьянинъ все-таки не находится въ полной зависимости отъ лица, нуждающагося въ

его работъ. Это даетъ крестьянину просторъ для договоровъ и для полученія цѣнъ настоящихъ за его работу. Живя въ селеніи, онъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ людьми, его содачниками; это поддерживаетъ его человѣчность и общительность, и развиваетъ его способности. Этому обстоятельству крестьянство конечно обязано тѣмъ, что при крѣпостномъ правѣ оно окончательно не упало и не заглохло; этому же обстоятельству будетъ оно обязано, какъ мы думаемъ, устройствомъ, въ будущемъ, своего самоуправления и своего благосостоянія.

Если же замѣнить общинное землевладѣніе участковымъ, что едва мыслимо, и потому что крестьянству пришлось бы разомъ измѣнить все свои обычаи и привычки, и потому что страшное неравенство участковъ при раздѣлѣ земли возбудило бы такіе споры и беспорядки въ крестьянствѣ, что пришлось бы ихъ заканчивать военными экзекуціями, то, при такомъ новомъ порядкѣ вещей, многіе крестьяне постепенно распродали бы свои участки, или по нуждѣ, или по спекуляціи; образовались бы крупныя землевладѣльцы въ крестьянскихъ дачахъ, все болѣе и болѣе разрослась бы бобыльщина, и крестьянство лишилось бы всякаго единства и всякой самостоятельности. Этого могутъ желать нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ и изъ крестьянъ, а равно враги Россіи; но не могутъ этого желать

ни большинство русских людей-землевладельцев и крестьянъ, ни настоящие наши государственные люди.

Для Россіи — для страны вообще, такое измѣненіе въ крестьянскомъ бытѣ, было бы болѣе чѣмъ нежелательно. Россія могущественна и устойчива, конечно не своимъ дворянствомъ, беспочвеннымъ и полуочужеземившимся, — не купечествомъ, мало отличающимся своею нравственностью и своимъ просвѣщеніемъ; города, порты, даже огромныя пространства земли не составляютъ главной силы Россіи: она преимущественно могуча и крѣпка своимъ народнымъ духомъ; а онъ хотя и пребываетъ въ Русскихъ вообще, что блистательно доказывало, во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, и наше дворянство, однако постоянно крѣпко и коренисто живетъ онъ только въ крестьянствѣ. А это послѣднее обязано своимъ единствомъ, своею силою и устойчивостью, въ особенности тому, что оно живетъ вкупѣ и что имѣетъ основой своего быта — обще всѣмъ принадлежащую землю. Эти обстоятельства недостаточно цѣнятся у насъ въ правительственныхъ и цивилизованныхъ сферахъ; но они высоко цѣнятся самимъ крестьянствомъ, которое почти вовсе не пользуется льготою, ему предоставленною закономъ, для перехода къ участковому землевладѣнію, и которое, къ крайнему изумленію администраціи и людей, въ западномъ духѣ образованныхъ, не переходитъ отъ общиннаго къ участ-

ковому землевладѣнію.*) Теперь прошло болѣе тринадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ крестьяне могутъ, на законномъ основаніи, переходить къ участковому землевладѣнію; а между тѣмъ, въ мѣстностяхъ имѣ известныхъ, не было даже попытки къ такому переходу. Мало того: живя по большей части въ деревнѣ, имѣя дѣла въ разныхъ мѣстностяхъ, и будучи въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ крестьянами, я даже не слыхалъ, чтобы, на мирскихъ сходахъ, со стороны крестьянъ, было сдѣлано какое-либо предложеніе въ этомъ смыслѣ. Если, не смотря на неурядицу въ нашемъ управленіи вообще, спокойствіе въ государствѣ не нарушается и сила въ насъ пребываетъ, то этимъ мы

*) Некоторые крестьяне, поселившіеся на казенныхъ земляхъ Самарской губерніи, просили, въ пятидесятыхъ годахъ, министерство государственныхъ имуществъ о дозволеніи имъ подѣлить свои участковыя земли по душамъ. Въ Рязанской губерніи большое и богатое село Ижевское (Спасскаго уѣзда), вышедшее, по доховному завѣщанію г. Демидова, въ свободные хлѣбопашцы, и сперва раздѣлившее свои земли на участки, глядя потому, сколько кто могъ внести денегъ за землю, въ исполненіе возложенныхъ на нихъ завѣщателемъ разныхъ уплатъ, вскорѣ обратилось въ министерство государственныхъ имуществъ, съ просьбою о разрѣшеніи имъ перейти къ общинному землевладѣнію. Долго цивилизованное министерство на это не соглашалось, и только послѣ нѣсколькихъ дознаній на мѣстѣ и по новой просьбѣ, уже поданной на Высочайшее имя, было имъ разрѣшено подѣлить землю по душамъ и считать ея принадлежностью всего общества. Видно наши мало образованные, темные крестьяне немного подалековиднѣе и посмысленнѣе многихъ нашихъ государственныхъ людей и ученыхъ теоретиковъ.

конечно обязаны разуму и твердости народной массы; а она главнѣйше черпаетъ ихъ въ связующемъ ее общинномъ землевладѣніи. Это есть тотъ именно якорь, который охраняетъ насъ отъ дѣйствія порывистыхъ народныхъ движеній, и который, проныкая въ глубь слабой почвы, лежащей подъ нашею администраціею, нѣсколько еѣ сдерживаетъ и укрѣпляетъ. Только поднимите этотъ якорь (если это вамъ удастся, чего мы не полагаемъ), и корабль нашъ понесется Богъ вѣсть куда: разшатается весь нашъ бытъ, и смутамъ, безпорядкамъ и потрясеніямъ не будетъ конца.

Правительство болѣе всѣхъ заинтересовано въ удержаніи крестьянскаго общиннаго землевладѣнія; ибо для него особенно дорого, и должно быть таковымъ, все то, что охраняетъ общественное спокойствіе, общественный порядокъ и общественную неизблимость. Указываютъ на существованіе дворянства, какъ на необходимое условіе благоустроенной и сильной монархіи и именуютъ дворянство надежнѣйшею опорою престола. Опытъ послѣднихъ восьмидесяти пяти лѣтъ уже, кажется, достаточно доказалъ всю неосновательность такого утвержденія. Въ самой Англіи, гдѣ существуетъ дворянство по преимуществу, т. е. дворянство, сильное не геральдическими претензіями, не барскими затѣями и не пустозвонными словозверженіями, а своимъ земельнымъ богатствомъ, и тамъ лорды перестали быть главною опорою королевскаго престола. У насъ

дворянство, вдревле не существовавшее, введенное въ нашъ бытъ по образцамъ нѣмецкимъ и французскимъ, и не пустившее никакого корня въ Россіи, само постоянно нуждается въ подпоркахъ для дальнѣйшаго своего существованія. Ни грамота Екатерины II., ни расширенія правъ дворянства, дарованныя ея пріемниками, не были въ состояніи утвердить и скрѣпить русское дворянство и придать ему силу и значеніе. Оно само едва держится, какъ же ему служить чему-либо опорою! Надежнѣйшія опоры русскаго престола суть: общій духъ русскаго народа, его приверженность къ своимъ царямъ, его общее благосостояніе и, въ особенности, оземленіе крестьянства, какъ самаго многочисленнаго и самаго устойчиваго состоянія въ государствѣ. Въ послѣднемъ отношеніи, общинное землевладѣніе имѣетъ самое важное значеніе, ибо ни въ чемъ нѣтъ болѣе консерватизма, т. е. охранительныхъ стихій, какъ въ этомъ, къ счастію Россіи, удержавшемся установленіи. А потому Правительство, болѣе чѣмъ кто-либо, должно имъ дорожить и всячески его поддерживать.*)

Но что же дѣлать для поддержанія общиннаго землевладѣнія?

Ничего, --- ровно ничего. Нужно только подъ

*) Тоже высказываетъ и Лавеле: „Общинное землевладѣніе есть вѣрнѣйшее предохранительное средство противъ борьбы и усобицы между различными состояніями въ государствѣ.“ (De la propriété etc., стр. 45.)

него неподкапываться, разными временными и личными выгодами не побуждать людей къ его уничтоженію и, ни прямо, ни косвенно, не содѣйствовать къ его ослабленію, измѣненію и сокрушенію. Общинное землевладѣніе на Руси есть такое сильное, исполненное жизни и обычаямъ утвержденное учрежденіе, что оно живетъ само по себѣ, своею внутреннею силою и не нуждается ни въ какихъ постороннихъ подержкахъ и поощреніяхъ. Оно это неопровержимо доказало тѣмъ, что удержалось во всей своей цѣльности и неврежденности не только во время крѣпостнаго права помѣщиковъ на крестьянъ, но и въ первые тринадцать лѣтъ самобытнаго существованія крестьянства, не смотря на малое сочувствіе къ общинному землевладѣнію со стороны многихъ шировыхъ посредниковъ, не смотря на еще меньшее къ нему расположеніе высшей администраціи, не смотря, наконецъ, на то, что въ первое время послѣ прекращенія крѣпостной зависимости, и само крестьянство могло считать этотъ способъ землевладѣнія принадлежностью горькихъ для него прежнихъ порядковъ и стремиться къ его уничтоженію. Слава Богу, здравый смыслъ нашихъ крестьянъ былъ сильнѣе первыхъ ихъ порывовъ пользованія свободою и устойчивѣе нерѣшительныхъ, какъ будто со-вѣстью сдержанныхъ мѣръ нашей администраціи. Правительству стоитъ только не посягать на эту святыню нашего народнаго быта, не мѣшать ей самостоятельно развиваться, не мудрствовать лукаво

и не стремиться къ „замѣнѣ, такъ называемаго, права обычая правомъ, основаннымъ на положительномъ законѣ“, т. е. на произвольномъ и беспочвенномъ измышленіи бюрократіи.*) — При этихъ условіяхъ жизнь возьметъ свое, общинное землевладѣніе не замретъ въ существующихъ формахъ и будетъ постепенно развиваться, согласно требованіямъ народнаго быта, мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ; и Правительству останется только пользоваться плодами этого истинно русскаго, до высшей степени охранительнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько общему развитію не препятствующаго учрежденія.

*) Почти тоже говоритъ Лавеле (De la propriété etc., стр. 39): „Предоставьте общинному землевладѣнію свободное развитіе. Тѣ обычаи, которые окажутся въ немъ стѣснительными для дальнѣйшаго усовершенствованія, сами собою упряднятся. Грустно было бы видѣть отмѣну такого учрежденія, которое нѣсколько улучшенное, могло бы быть спасеніемъ для нашихъ новѣйшихъ демократическихъ учрежденій.“

1

1

1

НЕ СЛИШКОМЪ ЛИ ТЯЖЕЛЫ УСЛОВІЯ, УСТАНОВЛЕННЫЯ ДЛЯ ВЫХОДА КРЕСТЬ- ЯНЪ ИЗЪ СЕЛЬСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ?

Мы обѣщали (на стр. 17) разсмотрѣть выше-
упомянутыя условія. Здѣсь мы исполняемъ это
обѣщаніе.

Условія для выхода крестьянъ изъ обществъ из-
ложены: въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ, вы-
шедшихъ изъ крѣпостной зависимости (ст. 130—140),
въ Положеніи о выкупѣ (ст. 172—178), въ мѣст-
ныхъ Положеніяхъ и въ немногихъ пояснительныхъ
и дополнительныхъ постановленіяхъ къ упомяну-
тымъ Положеніямъ. Условія, заключающіяся въ
мѣстныхъ Положеніяхъ должны были имѣть силу
только „въ продолженіи первыхъ девяти лѣтъ со
времени утвержденія мѣстныхъ Положеній“, но
какъ содержащіяся въ нихъ постановленія ничѣмъ
не замѣнены, а между тѣмъ много крестьянскихъ
обществъ остаются во временно-обязанныхъ отноше-
ніяхъ къ собственникамъ земли, то нѣкоторыя изъ
этихъ условій сохраняютъ, до извѣстной степени
и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, свое, если и не
юридическое, то по крайней мѣрѣ — фактическое
значеніе.

Главныя условія, содержащіяся въ Общемъ По-
ложеніи, суть слѣдующія:

1. Чтобы крестьянинъ, желающій получить
увольненіе изъ общества, отказавшись навсегда отъ
участія въ мірскомъ надѣлѣ, сдалъ состоявшій въ
его пользованіи участокъ земли.

2. Чтобы на семействѣ увольняемаго не было ни
какихъ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ недоимокъ,
и чтобы, при томъ, подати были уплачены имъ по
1-ое Января слѣдующаго года.

3. Чтобы на увольняемомъ крестьянинѣ, если
онъ пользуется надѣломъ помѣщичьей земли, не
числилось недоимокъ въ повинностяхъ, причитаю-
щихся за таковое пользованіе, и чтобы не было на
него предъявлено волостному правленію безспор-
ныхъ частныхъ взысканій и обязательствъ.

4. Чтобы родители увольняемаго были согласны
на увольненіе, и чтобы остающіеся въ обществѣ,
въ семействѣ увольняемаго крестьянина малолѣт-
ніе и другія лица, неспособныя къ работѣ, были
обезпечены въ своемъ содержаніи.

5. Чтобы къ увольненію не было препятствія по
отправленію рекрутской повинности.

6. Чтобы увольняемый не состоялъ подъ судомъ
и слѣдствіемъ.

7. Чтобы увольняемый представилъ пріемный
приговоръ отъ того общества, куда онъ переходитъ
или удостовѣреніе, что владѣетъ, на правѣ личной
собственности, участкомъ земли, величиною не менѣе

опредѣленной на сей случай въ мѣстныхъ Положеніяхъ. Такая величина для великороссійскихъ губерній назначена: въ мѣстностяхъ 1 и 2 полосы — не менѣе двухъ душевыхъ надѣловъ высшаго размѣра, а въ мѣстностяхъ 3ей полосы — не менѣе двухъ душевыхъ надѣловъ указнаго размѣра.

Въ Положеніи о выкупѣ сказано:

8. Когда земля приобрѣтена отъ Помѣщика цѣлымъ сельскимъ обществомъ, съ пособіемъ отъ Правительства, то отдѣльнымъ членамъ этого общества дозволяется увольненіе изъ онаго, по уплатѣ половины капитальнаго долга, причитающагося по выкупной казенной ссудѣ, на участокъ, состоящій въ пользованіи увольняемаго, буде мірское общество приметъ на себя ручательство за остальную половину уплаты. Въ такомъ случаѣ, вышеозначенный взносъ обращается на погашеніе соразмѣрной части выкупнаго долга, съ уменьшеніемъ выкупныхъ платежей общества, а полевой надѣлъ и усадебная земля увольняемаго крестьянина поступаютъ въ распоряженіе общества; усадебныя же строенія, онъ можетъ снести или продать на свозъ въ шестимѣсячный срокъ, или уступить ихъ тому члену мірскаго общества, которому передается упраздненный усадебный участокъ. Если изъ сельскаго общества, приобрѣтшаго свой надѣлъ, уволено до одной трети членовъ онаго, на означенномъ выше основаніи, и члены сии незамѣняются другими, то дальнѣйшее увольненіе членовъ общества, безъ

предварительнаго взноса капитала, соответствующаго лежащей на нихъ долѣ выкупной уплаты, не иначе можетъ быть разрѣшено, какъ съ утвержденія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

9. Изъ крестьянскаго общества, на которомъ числится недоимка по выкупнымъ платежамъ или казеннымъ податямъ, никто не можетъ быть уволенъ безъ предварительнаго на то согласія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

10. Каждый домохозяинъ, приобрѣтшій отдѣльный участокъ въ личную собственность, съ выдачею отъ правительства выкупной ссуды, можетъ безпрепятственно выйти изъ общества во всякое время; но до погашенія сей ссуды, онъ обязанъ предварительно продать приобрѣтенный участокъ другому лицу, съ уплатою выкупныхъ денегъ или съ переводомъ на него долга.

Изъ мѣстныхъ Положеній статьи, относящіяся до увольненія крестьянъ изъ сельскихъ обществъ и долженствовавшія имѣть силу только „въ продолженіи первыхъ девяти лѣтъ, со времени утвержденія этихъ Положеній“, исполняются въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи весьма различно. Иными губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями, по обществамъ временно-обязанныхъ крестьянъ, требуется, до сихъ поръ, для увольненія ихъ изъ обществъ, согласіе и помѣщика и общества; другими — такого согласія болѣе не требуется.

Иныя изъ этихъ присутствій удерживаютъ въ силѣ временныя правила на счетъ взноса увольняемымъ, въ мірской капиталъ, суммы, равной капитализированному оброку, слѣдующему съ увольняемаго; другія Присутствія уже болѣе не обращаютъ вниманія на эту статью. Однимъ словомъ, какъ еще не мало крестьянъ остается во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, и какъ постановленія, касающіяся этихъ отношеній ничѣмъ замѣнены не были, то многія присутствія считаютъ эти правила еще сохраняющими свою силу. Очевидно, что, по этому предмету, нуженъ только циркуляръ, разъясняющій, что временно-обязанные крестьяне теперь, при увольненіи ихъ изъ обществъ, не обязаны испрашивать согласіе ни помѣщика, ни общества, если на послѣднемъ нѣтъ недоимокъ за прошедшее время, и если они возвращаютъ свои участки обществу, которое буде не пожелаетъ его за собою удержать, возвращаетъ эту землю помѣщику. Это послѣднее обстоятельство не можетъ затруднять ни общество, ни помѣщика, потому что земли малостоющія, уже всѣ представлены на выкупъ, и крестьяне перестали быть временно-обязанными.

По разсмотрѣніи условій, содержащихся въ первыхъ двухъ положеніяхъ, относительно увольненія крестьянъ изъ обществъ, нельзя не признать что пункты 1, 2, 3 и 4 не могутъ подлежать измѣненію, ибо требованія ихъ безусловно справедливы и

истекаютъ изъ существа самого дѣла. Очевидно, что пунктъ 5-ый, въ настоящее время, не можетъ быть пренятствіемъ къ увольненію крестьянъ изъ общества; ибо, на основаніи устава о воинской повинности, уже не общества, по числу душъ, становятся рекрутовъ, а всякій, какого-бы состоянія ни былъ, лично отбываетъ эту повинность. Точно также пунктъ 6-ой не долженъ задерживать увольненіе крестьянъ изъ общества, потому что каждый подсудимый можетъ быть, на основаніи Судебныхъ Уставовъ 1864 года, или лично задержанъ, или отданъ на поруки помѣщику общества, къ которому онъ принадлежитъ.

Слѣдовательно, особеннаго разсмотрѣнія заслуживаютъ только послѣдніе четыре пункта, нами вышеизложенные.

Самая существенная тягость, при увольненіи крестьянъ изъ общества, заключается конечно въ томъ, что за свою землю, поступившую на выкупъ, они обязаны уплатить всю выкупную сумму или часть оной, и предоставить землю въ пользу міра. Впрочемъ, и эта тягость не безусловно возлагается закономъ на увольняемаго: онъ можетъ, на основаніи 165 ст. Положенія о выкупѣ, требовать выдѣла выкупленного имъ участка и его продать, кому пожелаетъ. Суть тяжести этого условія заключается не въ немъ самомъ, а въ томъ, что многія земли не стоятъ того, во что онѣ были оцѣнены при освобожденіи крестьянъ. Наши крестья-

яне, не только земледѣльцы, но даже и ремесленники, такъ высоко цѣнятъ участіе въ земельномъ надѣлѣ, что безъ крайности они отъ него никогда не отказываются: при временномъ уходѣ на сторонніе заработки и при немѣнѣи въ семьѣ лицъ, могущихъ обработать землю, они отдаютъ ее въ наемъ, ежегодно приплачиваютъ, если нужно, за свой участокъ недостающія деньги въ міръ, но удерживаютъ за собою землю. При желаніи же сдать свой участокъ окончательно, если цѣны на землю только подходящія, то всегда являются охотники её принять. А потому теперь самая существенная, самая справедливая и самая неотложная обязанность правительства, какъ мы прежде сказали (стр. 32), есть переоцѣнка земель, поступившихъ на выкупъ и покрытіе этихъ недочетовъ изъ общихъ государственныхъ источниковъ. Эта мѣра необходима во всѣхъ отношеніяхъ, а не для одного только облегченія крестьянамъ выхода изъ общества. Напротивъ того, она особенно нужна въ видахъ удержанія крестьянъ въ обществѣ и предотвращенія ихъ окончательнаго раззоренія.

Странно, что у насъ, въ правительственныхъ и даже литературныхъ сферахъ, всего болѣе хлопочутъ о томъ, о чемъ люди, до кого это прямо относится, всего менѣе помышляютъ. Очень немногіе изъ крестьянъ желаютъ выйти изъ своего общества; напротивъ того, многіе весьма богатые крестьяне, имѣющіе въ своемъ владѣніи, на правахъ личной

собственности, по 50, по 100 и болѣе десятинъ, очень дорожатъ своимъ участіемъ въ общинной дачѣ, не желаютъ быть отрѣзанными ломтями, и вовсе не помышляютъ о выходѣ изъ общины. Тѣ же немногіе крестьяне, которые, по какимъ либо особннымъ причинамъ, не желаютъ оставаться въ сельскомъ обществѣ, получаютъ изъ него увольненіе весьма легко: въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ, они ничего ни платятъ, ибо ихъ участки съ радостью принимаются другими крестьянами; а въ мѣстностяхъ, гдѣ земли плохи и оцѣнены дорого, увольняемые, болѣею частью богачи, желающіе поступить въ купечество, мало затрудняются уплатою слѣдующихъ съ нихъ выкупныхъ платежей. Мало людей выходитъ изъ обществъ не потому, что этотъ выходъ обставленъ затрудненіями, а потому, что онъ не въ обычаѣ, и что всякій желаетъ оставаться съ своимъ и дорожитъ своею коренною осѣдлостью. Очень желательно, чтобы наши законодатели и ихъ помощники, не говоря, менѣе читали иностранныхъ книгъ и менѣе ѣздили по Европѣ; нѣтъ! пусть они ихъ читаютъ, какъ можно болѣе, и пусть освѣжаются хотя тамъ отъ безжизненности, формалистики и другихъ принадлежностей бюрократизма; но весьма желательно также, чтобы они не чуждались своей страны, не воображали, что её знаютъ и что стоятъ, по образованію, выше ея; необходимо имъ её узнавать (если это для нихъ еще возможно), разѣзжая по ней не въ министер-

скихъ вагонахъ и видя людей не на однихъ официальныхъ пріемахъ; необходимо также, чтобы, при составленіи законодательныхъ проэктвъ, они обуздывали свою изобрѣтательность и порывы своей учености, и поражали насъ менѣе своею плодovitостью, чѣмъ соотвѣтственностью составляемыхъ проэктвъ дѣйствительнымъ потребностямъ страны. Одинъ законъ, удобоисполнимый и дѣльный, много лучше десяти законовъ, хотя и „премудрыхъ“, но малопонятныхъ и не вызванныхъ настоящими народными нуждами. Если бы такое преображеніе нашихъ законодателей могло совершиться, то они перестали бы сокрушаться о существованіи у насъ общиннаго землевладѣнія, противъ него ратовать и изыскивать способы къ его отміѣнѣ, а занялись бы они тѣмъ, что составляетъ дѣйствительныя наши нужды; а ихъ достаточно, и много болѣе, чѣмъ мнимыхъ нашихъ потребностей.

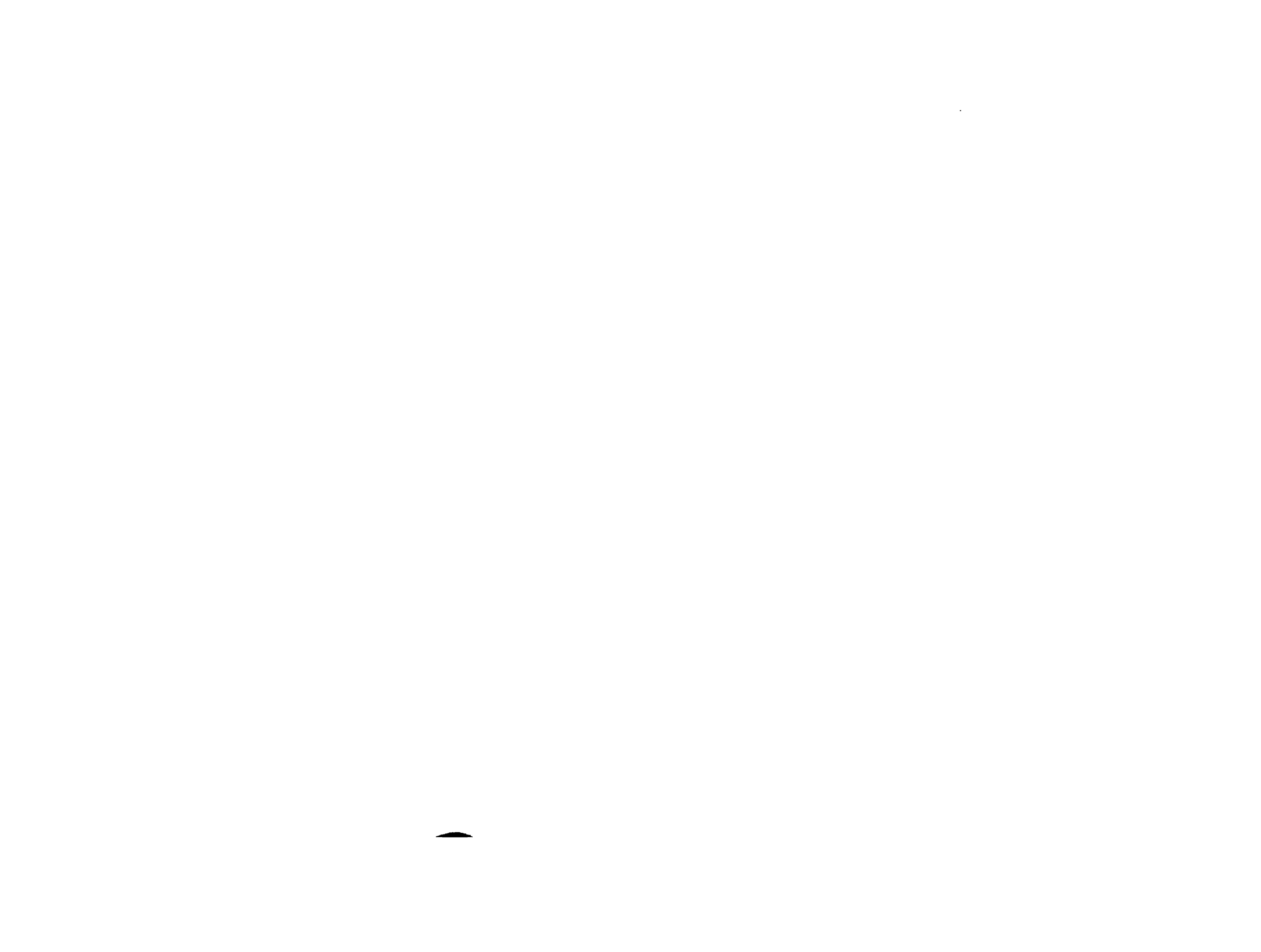
Коммиссія Высочайше учрежденная для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи, въ журналѣ своего засѣданія 24 Марта 1873 года, постановила: „признать желательнымъ, въ видахъ расширенія личной свободы крестьянъ въ хозяйственной ихъ дѣятельности, чтобы тѣмъ изъ нихъ, которые не пожелали бы удержатъ за собою свои надѣлы, были облегчены условія выхода изъ состава общины, безъ выхода изъ общества. Облегченія эти желательны въ слѣдующихъ случаяхъ: если

крестьянинъ прибрѣтаетъ въ личную собственность или арендуетъ землю, и если онъ имѣетъ опредѣленное занятіе промышленное, ремесленное или иное, сопряженное съ постоянною осѣдлостью внѣ общества или даже въ чертѣ его надѣла“.

Все это, быть можетъ, и „премудро“, но мало понятно, вовсе не желательно и едва ли исполнимо.

Что значитъ, въ числѣ условій для выхода изъ общины, прибрѣтаніе земли въ собственность, безъ опредѣленія *minimum'a* такого участка? Теперь закономъ эти *minimum'ы* опредѣлены и едва ли можно ихъ признать преувеличенными и что либо изъ нихъ убавить. Во всякомъ случаѣ, высказывая мысль, даже въ разговорѣ, нужно еѣ нѣсколько ограничить, сдѣлать удобопонятною. Общія же мѣста вездѣ, и въ особенности въ постановленіяхъ Коммиссіи, болѣе чѣмъ неумѣстны.

Что значать слова: „арендовать землю“? То ли же что еѣ нанимать, или подъ этимъ разумѣются правильныя аренды, имѣющіяся въ западной Европѣ и въ нашихъ западныхъ и привислянскихъ губерніяхъ? — Въ первомъ случаѣ, почти всѣ наши крестьяне подойдутъ подъ это правило, ибо рѣдкій изъ нихъ не имѣетъ наемной земли; а въ послѣднемъ случаѣ, предлагается то, что у насъ, въ великороссійскихъ губерніяхъ, почти никакого приміѣненія не имѣетъ, ибо правильныхъ арендъ, и притомъ держимыхъ крестьянами, почти не имѣется.

Что значитъ „опредѣленное занятіе, промышленное, ремесленное или иное, сопряженное съ постоянною осядлостью внѣ общества или даже въ чертѣ надѣла“? — У насъ, въ великороссійскихъ губерніяхъ, т. е. тамъ, гдѣ можетъ быть разговоръ объ общинѣ, очень многіе крестьяне — ремесленники, или промышленники, или торговцы. Иныя селы занимаются преимущественно плотничествомъ; другія — каменною работою; третьи — кузнечнымъ дѣломъ; а сколько у насъ сапожниковъ, портныхъ, бондарей, штукатуровъ и пр. У многихъ крестьянъ вѣтрянки, маслобойки, рушалки и проч. Не мало число крестьянъ, промысляющихъ скупомъ хлѣба, скотины и проч. и перепродажею ихъ на ярмаркахъ и въ городахъ. Неужель всѣхъ этихъ людей слѣдуетъ уволить изъ общины?

А потому, что значатъ всѣ эти, коммиссіею заявленныя, *ria desideria* относительно облегченія крестьянамъ выхода изъ общины?

Ужъ не то ли, чтобы коли не мытьемъ, такъ катаніемъ уничтожить нашу общину?

Да, велика бѣда, что у насъ въ администраціи нѣтъ твердыхъ, жизнью выработанныхъ, положительныхъ взглядовъ на вещи и такихъ же правилъ для веденія государственныхъ дѣлъ. Въ другихъ странахъ, особенно въ Англіи, бразды правленія переходятъ изъ рукъ одной партіи въ руки другой; смѣняются люди; но главные, коренныя воззрѣнія и правила Управленія остаются однѣ и тѣже. Тамъ

и не въ обычаѣ принимать къ исполненію приказанія и рѣшенія, противныя убѣжденіямъ, и проводить свои виды исподтишка, какъ будто въ исполненіе законныхъ постановленій, а дѣйствительно — въ подкупъ подъ нихъ и въ ихъ отмѣну. Тамъ также не выработанъ канцелярскій языкъ, который придавалъ бы словамъ иное, а не обычное значеніе, и не изобрѣтенъ способъ писанія бумагъ, по которому въ началѣ говорится одно, а въ концѣ — противоположное. У насъ бюрократизмъ доведенъ до полного совершенства: о самомъ дѣлѣ никто не заботится; лишь бы бумаги писались, соображенія выставлялись и распоряжки не оскорбляли нѣкоторыхъ, въ данную минуту, покровительствуемыхъ воззрѣній и хотѣній. Чѣмъ болѣе всматриваешься въ ходъ и дѣянія нашей администраціи, тѣмъ менѣе понимаешь какъ благія намѣренія Царя могутъ такъ переиначиваться и такъ искажаться. И это тѣмъ удивительнѣе, что исполнители Его воли — вовсе не злонамѣренныя люди. Все наше горе въ томъ, что, и при составленіи и исполненіи законовъ, и при принятіи мѣръ распорядительныхъ, громадно, страшно невѣденіе страны и ея обитателей со стороны тѣхъ, для кого доподлинное ихъ знаніе всего нужнѣе. Мало зла дѣлается у насъ изъ расположенія къ нему, но много, очень много, его совершается потому что „не вѣдаютъ бо, что творять“.

О КРЕСТЬЯНСКИХЪ СЕМЕЙНЫХЪ РАЗДѢЛАХЪ.

Въ No. 273 С. Петербургскихъ Вѣдомостей 1874 года напечатано: „Административныя вѣдомства, на обсужденіе которыхъ былъ, между прочимъ, переданъ вопросъ о крестьянскихъ раздѣлахъ, присоединились къ мнѣнію, выраженному Высочайше учрежденною при министерствѣ государственныхъ имуществъ комиссіею для изслѣдованія настоящаго положенія сельскаго хозяйства — о необходимости ихъ ограниченія. Въ такомъ смыслѣ, по свѣденіямъ „Русскаго міра“, полагается полезнымъ установленіе извѣстныхъ условій, обязательное исполненіе которыхъ хотя бы нѣсколько противодѣйствовало постоянному размноженію крестьянскихъ хозяйствъ съ одиночными работниками, очевидно несостоятельными не только въ выполненіи лежащихъ на нихъ повинностей, но и къ своему собственному содержанію и прокормленію. Принявъ вслѣдствіе того въ руководство, съ нѣкоторыми измѣненіями, тѣ основанія, которыя положены въ сводѣ замѣчаній комиссіи, предполагается ограничить крестьянскіе раздѣлы изданіемъ слѣдующихъ правилъ: а) чтобы раздѣлъ семейства допускаемъ былъ не иначе, какъ

съ согласія родителей или старшихъ въ семьѣ; б) чтобы, за раздѣляющимся семействомъ, не было недоимокъ ни по какимъ сборамъ и платежамъ; в) чтобы имущество каждой части раздѣляющейся семьи соответствовало всѣмъ требованіямъ самостоятельнаго хозяйства, въ нормѣ, определенной закономъ и г) чтобы, при возведеніи построекъ новыхъ отдѣлившихся дворовъ, были съ точностью соблюдаемы правила сельскаго и пожарнаго уставовъ.“

Скажите: какой общій, настоящій смыслъ этихъ предлагаемыхъ ограниченій свободы крестьянъ по семейнымъ раздѣламъ? Не хотимъ, не можемъ думать, чтобы комиссія и административныя вѣдомства, о которыхъ выше упомянуто, имѣли въ виду насильственно удерживать въ сожительствѣ семью, хотя бы въ ней водворился и укоренился раздоръ, при которомъ семейная жизнь, какъ говорится, хуже каторги. Скорѣе полагаетъ, что эти бюрократическія учрежденія считаютъ возможнымъ, посредствомъ законодательныхъ мѣръ, предупреждать, сдерживать возникновеніе несогласій въ крестьянскихъ семействахъ. Но возможно ли это? Насильственное удержаніе несогласныхъ семействъ въ сожительствѣ возможно было при крѣпостномъ правѣ, когда помѣщикъ располагалъ людьми по своему усмотрѣнію, и когда онъ былъ въ правѣ имъ сказать: „если вы не хотите жить вмѣстѣ, то я васъ разсѣлю — одного въ такую-то деревню, а

другаго — въ такую-то“; или „помиритесь, а не то — буду васъ пороть, пока вы не расцѣлуетесь“. Такіе порядки, существовавшіе во время оно, могли достигать и часто достигали цѣли; но принудительныя мѣры къ сожителству, въ смягченномъ, такъ сказать, цивилизованномъ стилѣ, не могутъ имѣть никакого дѣйствія. Посмотримъ, что предполагаетъ комиссія, обще съ административными вѣдомствами, для достиженія цѣли.

Во 1^х, они требуютъ согласіе родителей или старшихъ въ семьѣ, на всякій предполагаемый раздѣлъ. Да развѣ раздѣлы у насъ иначе и бывають? Но можетъ ли отецъ, а послѣ него мать, а по смерти обоихъ, старшій братъ или дядя удерживать въ сожителствѣ сыновей, или братьевъ, или племянниковъ, когда они вмѣстѣ жить не пожелаютъ? И нехотятъ, а всякій дастъ свое согласіе, предпочитая даже нищету ежедневнымъ, непрестаннымъ ссорамъ, попрекамъ и бранямъ. Если несогласіе водворяется въ семействѣ, то члены его перестаютъ другъ другу помогать, никто ничего не хочетъ дѣлать, и домъ неминуемо приходитъ въ раззореніе. Слѣдовательно, требуемое согласіе всегда дается, и предлагаемое ограниченіе нисколько не можетъ сократить число раздѣловъ.

Во 2^х, условіемъ къ допущенію раздѣловъ, становится немѣніе, за дѣлющимся дворомъ, никакихъ недоимокъ по сборамъ и платежамъ. Эта мѣра возможна въ отношеніи къ утвержденію раздѣловъ,

и она по большей части приводится въ исполненіе сельскими сходами; но она нисколько не удерживаетъ самого совершенія раздѣла: сходъ его не утверждаетъ и не отводитъ новой усадьбы; но семейство тѣмъ не менѣе дѣлится, другая изба становится на старой усадьбѣ, или, въ одной и той же избѣ, но по разнымъ угламъ, живутъ вновь образовавшіяся семейства. Случается и то, что семейство, для полученія желаемого утвержденія своего раздѣла, вноситъ недоимки изъ своихъ или занятыхъ денегъ. Слѣдовательно, эта мѣра дѣйствительна въ отношеніи къ утвержденію раздѣловъ; но она вовсе безсильна въ смыслѣ ихъ предупрежденія.

Въ 3^х, предполагается постановить, чтобы имущество каждой части раздѣляющагося семейства соответствовало *всѣмъ требованіямъ* самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, *въ нормѣ, опредѣленной закономъ*. — Это уже такъ „премудро“, что и понять трудно. Много ли у насъ, въ деревняхъ, крестьянскихъ хозяйствъ, которыхъ достатки соответствовали бы *всѣмъ требованіямъ* самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства? Да какимъ закономъ можно опредѣлить норму всего необходимаго для такого хозяйства по различнымъ мѣстностямъ нашей пространной и до крайности разнообразной имперіи? Въ иныхъ губерніяхъ (въ Московской, въ части Рязанской, въ части Тульской и въ другихъ полухлѣбородныхъ и полупромышленныхъ) одной лошади совершенно достаточно для самостоя-

тельного крестьянского хозяйства; въ другихъ (въ Тамбовской, Саратовской и прочихъ черноземныхъ губерніяхъ) необходимо крестьянину имѣть, по крайней мѣрѣ, пару лошадей, чтобы успѣшно исполнять необходимыя земледѣльческія работы; есть мѣстности (Малороссія, Новороссійскій край и другія), гдѣ нужны не лошади, а волы. Во многихъ селеніяхъ, гдѣ крестьяне живутъ очень достаточно, лошади и волы имъ вовсе не нужны: тутъ крестьяне промышляютъ или кузнечною, или плотничною, или иною работою, а поземельныя ихъ угодія служатъ имъ только для паствы скота и для огородныхъ овощей, для которыхъ гряды они вскапываютъ скрябкою. Определить необходимый для крестьянского хозяйства инвентарь, не говорю, для Имперіи, но для губерніи, для цѣлаго уѣзда — болѣе чѣмъ трудно: это невозможно. Такая задача, быть можетъ, по силамъ бюрократіи, вовсе не знающей нашего быта; но ни одинъ земскій человѣкъ не навалитъ на себѣ такого непосильнаго бремени. И эту норму хотятъ еще опредѣлить закономъ! Уже достаточно издано законовъ неудобноисполнимыхъ, возбуждающихъ грусть или смѣхъ народа; воздержитесь отъ умноженія ихъ количества.

Четвертое и послѣднее требованіе — чтобы, при возведеніи построекъ новыхъ отдѣлившихся дворовъ, были *съ точностью* соблюдаемы правила сельскаго и пожарнаго уставовъ. — Это требованіе очевидно заявлено такъ, — ради увеличенія числа предлагае-

мыхъ мѣръ и для прикрытія его скудости. Правила сельскаго и пожарнаго уставовъ (конечно пересмотрѣнныхъ и, если можно, исправленныхъ), должны соблюдаться и даже съ точностью *всѣми*, а не одними вновь возникающими семействами; а потому, къ чему было ставить это требованіе въ числѣ условій къ допущенію семейныхъ раздѣловъ?

Изъ этого обзора и оцѣнки административныхъ предположеній, очевидно, что даже бюрократія сознавала непосильность для нея возложенной задачи, что изобрѣтательность ея оказалась въ немощи, и что только не хватило у нея духа сознаться въ своей несостоятельности по разрѣшенію ей заданнаго вопроса.

Но возможно ли его разрѣшить?

Конечно нѣтъ; а потому не слѣдовало такого вопроса и предлагать.

Прискорбно не то, что коммиссія и административныя вѣдомства не придумали ни одной полезной и разумной мѣры къ противодѣйствію крестьянскимъ семейнымъ раздѣламъ, а то, что могли образовать коммиссію для составленія такого прозкта, и что за тѣмъ ни одно изъ административныхъ вѣдомствъ, его обсуждавшихъ, не было поражено несообразностью предложенной задачи. Что это показываетъ? Конечно то, что продолжаютъ смотрѣть на крестьянъ, какъ на производителей хлѣба, мяса и пр. и вовсе не какъ на людей. Крупныя семейства для государства и для насъ самихъ выгоднѣе,

~~SECRET~~

Послѣ закончанія предыдущихъ статей, попала въ руки замѣчательная книга: *De la propriété et de ses formes primitives*, par E. de Laveleye. Paris, 1874. (О собственности и первобытныхъ ея видахъ, соч. Э. де Лавеле.) Белгіецъ, вовсе не социалистъ, скорѣе консерваторъ, вооружается противъ строгаго Римскаго личнаго права собственности на земли, видитъ грѣхъ Европы, изъ этого источника, страшные общественные раздоры и междоусобицы, и обращается съ любовью и надеждами къ Швейцарскимъ *Landen* и къ Русскимъ общинамъ. Тутъ, и только тутъ, по мнѣнію Лавеле, разрѣшеніе затрудненій, волненій и потрясеній, которыя нынѣ нарушаютъ спокойствіе Европы и угрожаютъ ей въ будущемъ столѣтіи, если духъ христіанства, разумнаго человѣчества, любви и настоящей государственной мудрости не предупредятъ и не отвратятъ ея благовременными уступками и преобразованиями. Нѣкоторые Англичане также обратили вниманіе на наше общинное землевладѣніе и на чудовищную сосредоточенность своего землевладѣнія въ рукахъ немногихъ. Они доказываютъ, что земля не составляетъ въ Англіи полной собственности лицъ; что перво-

начально она принадлежала государству; что имъ она роздана во владѣніе разнымъ лицамъ, городамъ и сельскимъ обществамъ; и что, въ этомъ верховномъ правѣ государства на земли, заключается единственный исходъ для Англіи изъ нынѣшняго ея положенія громаднаго богатства и крайней нищеты. Передовые и глубокіе умы Европы, съ удивленіемъ и завистью смотрятъ на наше общинное землевладѣніе, и только узкіе, въ матеріализмѣ погрязшіе экономисты, съ высоты мнимой своей науки, проповѣдуютъ о безусловномъ превосходствѣ личной собственности надъ общинною, и совѣтуютъ намъ скорѣе покончить съ послѣднею. И многіе изъ насъ, ослѣпленные ихъ фразами, неспособные проникнуть въ глубокий смыслъ, отчасти уже обнаружившихся, и еще болѣе готовящихся въ Европѣ внутреннихъ распрей и смутъ, и какъ-бы лишенные способности видѣть свое благо и жить своимъ умомъ, — стремятся наложить руки на то, что, въ матеріальномъ и общественномъ отношеніи, есть лучшее, драгоценнѣйшее изъ всего, нами обладаемаго.

Мы желали-бы очень многое выписать изъ книги г. Лавеле, ибо знаемъ, какъ слова иностранцевъ у насъ вѣсче рѣчей туземцевъ; но ограничились помѣщеніемъ нѣсколькихъ примѣчаній къ предыдущимъ нашимъ статьямъ, а здѣсь помѣщаемъ переводъ прекраснаго его предисловія. Впрочемъ считаемъ нужнымъ сказать, что далеко не во всемъ сказанномъ г. Лавеле, какъ въ предисловіи, такъ и

въ самой книгѣ, мы согласны. Онъ недостаточно знаетъ нашу общину; онъ воспитанъ и живетъ въ западной Европѣ, а потому многое славянское и русское осталось имъ не вполне понятнымъ и оцененнымъ; но весьма спасибо ему и за то, что ему удалось объ насъ узнать, въ насъ увидѣть и за насъ подумать.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

(Изъ книги: О собственности и первобытныхъ ея видахъ.
Соч. Е. Лавела. — Парижъ, 1874.)

Состояніе умовъ въ концѣ прошедшаго столѣтія и положеніе ихъ нынѣ, то есть въ концѣ нынѣшняго вѣка, разительны по своей противоположности. Тогда люди всѣхъ состояній требовали преобразованій и пренеполнены были надеждъ. Убѣжденные въ прирожденной добротѣ челоуѣчества, они думали, что, для обезпеченія ему свободы и счастья, достаточно исправить или уничтожить учрежденія прошедшаго, которыя произвели порабощеніе и нищету народа. „Человѣкъ родился свободнымъ, а вездѣ онъ въ цѣпяхъ“, воскликнулъ Руссо. Восемнадцатый вѣкъ и Французская революція сказали: „Разрушимъ цѣпи и на ихъ обломкахъ воцарится всеобщая свобода. Народы — братья, только тираны вооружаютъ ихъ другъ противъ друга; низвергнемъ притѣснителей, и братство народовъ осуществится на землѣ.“ Упоенные такими сладкими мечтами, люди чаяли, что наступаетъ для нихъ новая эра — времена правды, справедливости и благополучія. — Теперь мы продолжаемъ говорить о преобразованіяхъ, но уже съ нѣкоторымъ недоумѣемъ и грустью, ибо мы мало надѣемся на успѣхъ нашихъ попытокъ.

Мы уничтожили сословія и привилегіи; мы всюду вписали начало равенства людей передъ законамъ; мы предоставили всѣмъ право голоса; но уже возникли требованія объ уравненіи состояній. Мы думали, что намъ

предлежитъ къ разрѣшенію только задача государственнаго устройства, а вмѣсто того возникаетъ передъ нами вопросъ социальный, во всей его широтѣ, глубинѣ и темнотѣ. Уже нѣтъ болѣе тирановъ; престолы низвергнуты; а тѣ государи, которые сохраняютъ свои короны, связаны конституціями, или по большей части уважаемыми; но вмѣсто владѣльческихъ ссоръ и династическихъ притязаній, мы имѣемъ передъ собою поводъ къ войнамъ, несравненно болѣе грозный — вражду народностей, которая вооружаетъ племена цѣлкомъ до послѣдняго человека. — Если христіанская любовь къ ближнему и общественная справедливость не уймутъ этихъ возникшихъ враждованій, то Европѣ, при упорной и общей борьбѣ племенъ и состояній, грозитъ хаосъ безысходный.

Токвиль доказалъ, и событія ежедневно подтверждаютъ, что народы неудержимо и все болѣе и болѣе влекутся къ демократіи; а между тѣмъ демократія производитъ, повидимому, только столкновенія, безпорядки и анархію. Демократическія учрежденія сами намъ себя навязываютъ, а мы никакъ не можемъ, не умѣемъ ихъ себѣ усвоить. Это дѣло какъ будто, въ одно и тоже время, и не избѣжное и не исполнимое. Какъ согласить безусловную свободу съ поддержаніемъ нынѣ существующаго общественнаго порядка, и неравенство состояній, признаваемое необходимымъ — съ установленнымъ общимъ политическимъ равноправіемъ? — Вотъ та страшная задача, которую новѣйшія общества должны разрѣшить, подъ опасеніемъ такой-же гибели какой подверглись древнія общества.

Демократія ведетъ насъ къ пропасти, говорятъ консерваторы, и они правы. Или вы устройте раздѣлъ болѣе справедливый имуществъ и произведеній, или демократія

приведетъ васъ къ деспотизму и упадку, чрезъ цѣлый рядъ общественныхъ междоусобій, которыхъ ужасы далеко за собою оставляютъ совершенныя въ Парижѣ, въ злополучный 1871 годъ.

Подъ внушеніемъ духа христіанскаго, вы провозглашаете равенство всѣхъ передъ закономъ, и дѣйствительно предоставляете всѣмъ право голоса при выборахъ, что даетъ массамъ возможность назначать законодателей и чрезъ нихъ издавать законы. Въ то же время, экономисты непрестанно повторяютъ, что всякая собственность происходитъ отъ труда, а между тѣмъ народныя толпы видятъ, что при существующихъ учрежденіяхъ, тѣ, которые работаютъ, не имѣютъ собственности, и едва въ потѣ лица добываетъ дневное пропитаніе; тогда-какъ тѣ, которые не работаютъ, живутъ въ изыткѣ и съ роскошью, и владѣютъ землею. Какъ первые составляютъ огромное большинство, то какимъ образомъ, со временемъ, ихъ удержать отъ попытокъ къ измѣненію законовъ, распределяющихъ богатства между людьми, въ смыслѣ приведенія въ дѣйствіе словъ апостола Павла: *Кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь.* (2-е Посланіе Фессалоник. гл. III, 10.)

Судьба новѣйшихъ демократій впередъ нарисована въ исторіи древнихъ демократій. Борьба между богатыми и бѣдными погубила послѣднія; она-же погубитъ и первыя, если владѣтельные классы не остерегутся. Въ Греціи также всѣмъ гражданамъ были предоставлены равныя права. Древніе законодатели признавали основную истину, неоднократно повторенную Аристотелемъ, что свобода и демократія (народовластіе) не могутъ существовать безъ равенства состояній. Для удержанія этого равенства, они

1

2

прибѣгали къ разнымъ средствамъ: къ неотчуждаемости имуществъ, къ ограниченію права наследованія, къ удержанію въ общей собственности лѣсовъ и пастбищъ, къ общественнымъ трапезамъ, въ которыхъ всѣ принимали участие, къ *sussitiae* и *cori*, о которыхъ такъ много и такъ часто говорится древними писателями. Но всѣ эти средства, какъ извѣстно, не предупредили развитія неравенства между гражданами, — и тогда началась борьба между двумя классами, имѣвшими интересы совершенно противоположные и составлявшими въ одномъ и томъ же государствѣ, какъ будто два соперничающіе народа, точь въ точь — то, что мы теперь видимъ во Франціи и въ Германіи. Глубоко истинны слова Платона (*Respublica*, кн. IV): „Каждое изъ греческихъ государствъ не составляетъ единицу, а въ немъ заключаются, по крайней мѣрѣ, два государства: одно состоитъ изъ богатыхъ, а другое — изъ бѣдныхъ.“

Бѣдные, пользуясь политическими правами, захотѣли и воспользоваться, для водворенія и утвержденія равенства, а потому: то всѣ налоги обращались на богатыхъ, то отбирали у нихъ имѣнія, присуждая ихъ къ смерти или изгнанію; часто провозглашали отміну долговъ, а когда предпринимали и передѣлы всѣхъ имуществъ. Богатые, конечно, защищались всѣми возможными средствами, даже оружіемъ. Изъ этого происходили почти постоянныя общественныя междоусобія. Полнѣйшею мѣрою такъ значеніе этихъ грустныхъ событій: „При междоусобіяхъ, главное — перемѣщеніе имуществъ.“ „Греческія государства“, говоритъ Fustel de Colanges въ своей прекрасной книгѣ: *La cité antique*, „постоянно подвергались переворотамъ: то богатыхъ лишали имущества,

то ихъ возвращали прежнимъ владѣльцамъ. Это продолжалось съ начала Пелопонезской войны до покоренія Греціи Римлянами.“ Бекъ, въ своей политической экономіи Апеннинъ, выражаетъ то же мнѣніе.*)

Слѣдовательно, неравенство состояній погубило греческія демократіи.

*) *Staatsl. der Athen*. I. стр. 201. Никто лучше Аристотеля не постигъ задачи, возбуждаемой устройствомъ демократическаго государства. Его превосходная книга „*Политика*“ освѣщаетъ этотъ вопросъ страшными лучами. „Неравенство“, говоритъ онъ, „есть источникъ всѣхъ революцій, потому что никакое вознагражденіе не замѣняетъ неравенства“ (кн. V, гл. I).

„Люди, равные въ одномъ отношеніи, пожелали быть равными во всемъ. Равные по свободѣ, они потребовали равенства безусловнаго. Какъ скоро они считаютъ себя обиженными въ пользованіи ихъ правами, то они тотчасъ возстаютъ.“

Для предупрежденія возстаній и переворотовъ, необходимо, по мнѣнію Аристотеля, поддерживать нѣкоторое равенство. „Устройте такъ“, восклицаетъ онъ, „чтобъ и нищій имѣлъ маленькое наследіе“ (кн. II, гл. V). Въ той-же главѣ онъ хвалитъ законодателя Фалея Халкидонскаго за мѣры, имъ принятыя, для уравниенія состояній между гражданами. „Это“, говоритъ онъ, „единственное средство къ предупрежденію внутреннихъ распрій“.

Аристотель упрекаетъ Лакедемонское законодательство въ томъ, что оно не обратило вниманія на распредѣленіе богатствъ въ государствѣ. „Одинъ“, говоритъ онъ, „владѣютъ огромными богатствами, а другіе почти ничего не имѣютъ; такъ-что почти всѣ земли находятся въ рукахъ нѣсколькихъ семействъ. Этотъ безпорядокъ есть вина законовъ.“ „Государство, по требованію природы, должно быть составлено изъ элементовъ, по возможности, схожихъ.“ Затѣмъ Аристотель доказываетъ, что въ государствѣ, гдѣ богатые и бѣдные стоятъ другъ передъ другомъ, борьбы неминуютъ. — „Побѣдитель“, говоритъ онъ, „смотритъ на управленіе, какъ на мзду за побѣду, — и онъ пользуется ею для угнетенія побѣжденныхъ“.

11

12

13

10

10

10

Христианство есть вѣра, уравнивающая всѣхъ людей. Евангеліе есть благая вѣсть, обращенная преимущественно къ бѣднымъ, и Христосъ не есть другъ богатыхъ. Его ученіе ведетъ къ коммунизму, — въ хорошемъ смыслѣ этого слова: ученики христовы и монашескія братства, которыя приняли къ строгому исполненію евангельскія заповѣди, всѣ приняли и соблюдали общеніе. Если-бы христианство преподавалось и было понято въ духѣ его основателя, то нынѣшнее общественное устройство не просуществовало бы и одного дня.

Теперь рабъ сдѣлался гражданиномъ и свободнымъ рабочимъ; и онъ признанъ равнымъ самому богатому богачу. Этотъ прежній рабъ избираетъ законодателей и самъ можетъ засѣдать въ парламентѣ. Онъ требуетъ, или будетъ требовать, собственности; какъ ему въ ней отказывать, въ виду философіи или религіи, которыя вполне оправдываютъ его домогательства? Древніе, коихъ и философскія и религіозныя ученія безусловно отвергали подобныя требованія, не въ состояніи были согласовать демократическія учрежденія, съ неравенствомъ состояній, хотя задача отпосилась только до гражданъ свободныхъ, жившихъ на счетъ чужаго труда. Какъ-же можетъ это удастся намъ, имѣющимъ удовлетворить все народонаселеніе, безъ всякаго исключенія?

Во Франціи вопросъ этотъ представляется во всей его наготѣ и остротѣ. Она достигла того момента, нерѣдкаго въ исторіи, когда высшіе классы, въ виду угрозъ со стороны нижнихъ слоевъ народа и подъ опасеніемъ ужасовъ, неразлучныхъ съ внутреннею общественною борьбою, ищутъ спасенія въ какой-либо диктатурѣ. Если, въ настоящее время (1874), Версальское законодательное собра-

ніе противится установленію республики, то это происходитъ вовсе не отъ исключительной привязанности его къ монархическому началу, а отъ боязни, чтобы торжествующая демократія не привела къ исполненію требованій всеуравливающего духа. Не будемъ съ презрительнымъ сожалѣніемъ смотрѣть на нынѣшнее грустное положеніе Франціи; та же участь ожидаетъ и насъ. *Hodie mihi, cras tibi* (Нынѣ мнѣ, а завтра тебѣ), какъ гласитъ надгробная надпись. Всякому коммунизмъ страшно распространяется и усиливается. Впрочемъ „это“, какъ вѣрно сказалъ Дизраэли, „только легкій вѣтерокъ, слабо колеблющій древесныя листья; но коммунизмъ не замедлитъ явиться въ видѣ страшной бури, сокрушающей все, что встрѣтится на ея пути“. Въ Германіи социализмъ уже составляетъ партію, вполне организованную: онъ имѣетъ свои журналы, борется во всѣхъ большихъ городахъ и отправляетъ въ Рейхстагъ все болѣе и болѣе представителей. Въ Австріи, въ Испаніи, въ Англіи онъ распространяетъ свои ученія въ народныхъ массахъ. Весьма важно то, что профессоры политической экономіи становятся *Catheder-Socialisten*. Если во Франціи кризисъ ближе, то опасностей отъ того не больше. Напротивъ того, тамъ общественное устройство поддерживается пятью милліонами владѣльцевъ, между которыми подѣлена земля французская. Но общительный умъ, естественное краснорѣчіе и быстрая логика Французовъ придають всякой задачѣ формулу болѣе ясную и точную, и потому борьба скорѣе начинается. Живое воображеніе этого народа преувеличиваетъ опасности и заставляетъ обѣ стороны прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ. Но какъ экономическое положеніе почти во всѣхъ странахъ одинаково, то раньше или позднѣе

1

2

ведѣ враждебность различныхъ народныхъ классовъ подвергнетъ свободу страшнымъ опасностямъ, и чѣмъ собственность будетъ сосредоточенѣе и противоположнѣе между богатыми и бѣдными рѣзче, тѣмъ обширнѣе и глубже будутъ потрясенія и разрушенія въ общественномъ устройствѣ. Или равенство установится, или свободныя учрежденія погибнутъ. Токвилъ не замѣтилъ, что въ этомъ именно заключается самая большая опасность для демократіи. Но Маколей указалъ, съ потрясающимъ краснорѣчіемъ, на это обстоятельство въ своемъ письмѣ въ Times (23 Марта 1857), гдѣ онъ указалъ на будущность, угрожающую Сѣверо-американскимъ штатамъ.

По моему мнѣнію, повѣйшія демократіи не избѣгутъ участи древнихъ, развѣ онѣ установятъ законы съ цѣлью распредѣленія собственности между большимъ по возможности числомъ людей и установленія между гражданами большаго по возможности равенства. Необходимо осуществить высшую заповѣдь справедливости: „*всѣмъ по его дѣламъ*“, такъ чтобы собственность была необходимымъ послѣдствіемъ труда, и чтобы благосостояніе каждаго было соразмѣрно его содѣйствію къ общей производительности.

Для достиженія этой цѣли, собственность личная, въ томъ видѣ, въ какомъ она намъ завѣщана суровымъ духомъ Римлянъ, не достаточно упруга и человѣчна. Не возможно возвращаться къ обычаямъ первобытныхъ временъ, но весьма возможно позаимствовать у системъ землевладѣнія Германцевъ и Славянъ такія начала, которыя болѣе соответствуютъ, чѣмъ Римскіе, потребностямъ демократіи, потому что онѣ признаютъ за каждымъ право на собственность. Вообще, когда говорятъ о собственности,

то думаютъ только о томъ ея видѣ, который существуетъ у насъ, и какъ будто полагаютъ, что она не можетъ быть въ иной формѣ. Это — большое и жалкое заблужденіе, которое не позволяетъ подняться до болѣе высокаго понятія о правѣ. Владѣніе (*dominium*) исключительное, личное и наследственное, въ отношеніи къ землѣ, есть фактъ весьма недавній, и, въ продолженіи многихъ вѣковъ, люди знали и соблюдали только владѣніе совмѣстное или общинное. Какъ общественное устройство, съ теченіемъ времени, испытало глубокія измѣненія, то не должно быть возбранено изыскивать такіе общественные порядки, которые были бы совершеннѣе тѣхъ, которые намъ извѣстны.*)

*) Милль считалъ особенно важнымъ утвержденіе этой истины и весьма поощрялъ меня къ продолженію изысканій относительно первобытныхъ видовъ землевладѣнія. Вотъ его ко мнѣ письмо:

„Я прочелъ ваши статьи въ NNo. 1го Юля, 1го Августа и 1го Сентября *Revue des Deux Mondes*. Вашъ очеркъ исторіи поземельной собственности и ваше описаніе различныхъ ея видовъ, существовавшихъ въ разныя времена и существующихъ еще доселѣ въ разныхъ странахъ, — кажутся мнѣ вполне соответствующими цѣли, вами предположенной и мною давно преслѣдуемой, а именно: чтобы доказать, что собственность есть не нѣчто вполне законченное и навсегда определенное (*n'est pas chose fixe*), а учрежденіе многообразное (*multiforme*), которое уже подверглось многимъ измѣненіямъ и можетъ еще, ко благу людей, испытать разныя преобразованія. Ваши три статьи требуютъ и заставляютъ желать четвертой, въ которой-бы говорилось о примѣненіи вами изложеннаго къ настоящему порядку вещей. Вѣроятно это будетъ исполнено въ вашей книгѣ.

Что касается до устройства *Allmenden*, нынѣ существующихъ въ Швейцаріи, то вы такъ мало объ немъ сказали въ своихъ статьяхъ, что я его знаю только изъ того, что вы мнѣ сообщали въ своемъ письмѣ. Чтобы судить о примѣнимости этого учреж-

Мы даже къ этому принуждены опасеніемъ иридти къ такому исходу, который угрожаетъ быть могилкою для нашей цивилизаціи.

денія къ Англіи, надѣбно его изучить глубоко и со свѣхъ сторонъ. Но я не думаю, чтобъ можно было отрицать, что *преобразованія въ устройствѣ собственности, должны клониться и быть направлены къ учрежденію, въ томъ или другомъ видѣ, совмѣстной собственности, рядомъ съ собственностью личною.* Остается опредѣлить способъ или способы лучшаго веденія дѣлъ этой совмѣстной собственности и для этого весьма полезно имѣть въ виду существующіе образы распоряженія этою собственностью. Полезно даже, быть можетъ, чтобы сосуществовали разные виды такого устройства. Мнѣ кажется, что система Allmenden, устроенныхъ такъ, какъ вы предлагаете, могли-бы быть испробована въ Англіи. До сихъ поръ политическіе люди изъ Англійскаго рабочаго класса, не имѣли въ виду этого способа разрѣшенія задачи; они предпочитали, чтобы эта общая собственность была отдана въ аренду капиталистамъ изъ земледѣльцевъ или товариществамъ, составленнымъ изъ рабочихъ. Последний способъ былъ уже съ успѣхомъ испытанъ, и онъ пользуется нѣкоторымъ къ себѣ благорасположеніемъ рабочихъ. Малая собственность, напротивъ того, имѣетъ сторонниковъ только въ средѣ экономистовъ и филантроповъ; рабочій же классъ скорѣе неприязненно на нее смотритъ, ибо видитъ въ мелкихъ землевладѣльцахъ людей, могущихъ усилить ряды противниковъ новаго устройства поземельной собственности. Такого опасенія, конечно, не можетъ возбуждать система Allmenden, и я надѣюсь, что въ вашей книгѣ она будетъ обстоятельно изложена и обсуждена.

Съ удовольствіемъ вижу, что вы въ своихъ сочиненіяхъ имѣете часто въ виду Англію. Будьте увѣрены, что тутъ вы найдете теперь читателей болѣе расположенныхъ, чѣмъ прежде, пользоваться вами сообщаемымъ. Вы, какъ Бельгіецъ, можете быть безпристрастныѣ другихъ къ континентальнымъ учрежденіямъ, и ваши слова здѣсь будутъ выслушаны съ большимъ довѣріемъ.

Примите и т. д.

17 Ноября 1872 г.

Авینیонъ.

Дж. Милль.

Эмануэль Фихте, въ прекрасной своей книгѣ о Иенкѣ (System der Ethik) и донъ Францеско де Кардена, въ превосходной своей исторіи собственности въ Испаніи (Ensayo sobre la historia de la propiedad territorial en Espana), справедливо замѣтили, что анализъ открываетъ въ собственности два элемента: общественный и личный. Собственность существуетъ не только въ интересѣ лица и съ цѣлью обезпечить ему пользованіе плодами его труда, но и въ интересѣ общества и съ цѣлью обезпечить его бытіе и полезное дѣйствіе. Эти двѣ стороны собственности соотвѣтствуютъ двойственной природѣ челоуѣка, являющагося то какъ отдѣльное лицо, независимо преслѣдующее свою цѣль, то какъ гражданинъ и членъ общества, связанный, многоразличными отношеніями и обязательствами, съ существами, ему подобными. Въ первобытныя времена элементъ социальный господствуетъ въ поземельной собственности. Земля составляетъ общую собственность племени или рода; личности пользуются ею только временно. Въ Греціи, большая часть земли принадлежитъ государству, а остальная сохраняется подъ его верховною властью. Въ Римѣ, впервые является *dominium*, т. е. безусловное право на землю. Въ средніе вѣка, при феодализмѣ, владѣніе землею служитъ вознагражденіемъ за оказанныя услуги. *Le fief* есть жалованіе за исправленіе извѣстной службы. Въ началѣ, онъ не былъ наследственнымъ: онъ давался государемъ въ пожизненное пользованіе, и тотъ, кто получалъ такую землю, обязанъ былъ являться по требованію съ оружіемъ, охранять общее спокойствіе и отправлять правосудіе. Нераздѣльная собственность маіоратовъ еще сохраняетъ характеръ социальный. Лицо, владѣющее маіоратомъ пользуется

имъ только пожизненно: оно не можетъ его отчуждать, потому-что это владѣніе должно поддерживать семейство, которое, съ своими воспоминаніями, съ своимъ значеніемъ и съ своими наслѣдственными обязанностями, считается составною частью народа. Иерархическія отношенія сословій и за тѣмъ все устройство государства основаны на поземельномъ владѣніи. Нынѣ эта собственность лишена всякаго соціального характера: совершенно разлучившись отъ того, чѣмъ была въ началѣ, она не сохранила въ себѣ ничего общаго, совмѣстнаго. Какъ привилегія, безъ всякихъ обязательствъ и ограниченій, поземельная собственность не имѣетъ, по видимому, никакого другаго значенія, кромѣ обезпеченія благосостоянія лица. Такъ ее понимаютъ, и такъ ее и опредѣляютъ. Легкоподвижная, вслѣдствіе свободы отчужденія, она переходитъ изъ рукъ въ руки, какъ плоды, ея приносятъ и животныя, ея питаемыя. Слѣдуя безъ оглядки такому направленію, люди поколебали основныя начала общества, и надо думать, что въ будущемъ обратятъ большее вниманіе на общественный элементъ собственности. „Мы неминуемо придемъ“, говоритъ Фихте, „къ соціальному устройству земельной собственности“. „Она утратитъ свой исключительно частный характеръ и превратится въ государственное учрежденіе. Доселѣ государство считало своимъ долгомъ только обезпечивать всякому спокойное пользованіе его владѣніемъ. Въ будущемъ обязанность государства не преминетъ заключаться въ предоставленіи каждому участку поземельной собственности, соразмѣрнаго его нуждамъ и способностямъ.“

По мнѣнію знаменитаго нѣмецкаго писателя это преобразование совершится дѣйствіемъ христіанства. „Хри-

стіанство“, говоритъ онъ, „заключаетъ въ себѣ такую силу обновленія, какую въ немъ даже не подозреваютъ. Доселѣ оно дѣйствовало на личности и только черезъ нихъ на государство. Но кто могъ, какъ вѣрующій или какъ мыслитель, оцѣнить могущество христіанства, тотъ едва-ли усомнится въ томъ, что оно со временемъ сдѣлается внутреннею, учредительною силою государства, и тогда оно явится міру во всей широтѣ и глубинѣ своего предназначенія и со всѣмъ богатствомъ своихъ благословеній.“

Христіанство дѣйствительно явило міру такой идеалъ справедливости, какого наши учрежденія, хотя значительно и улучшенныя, еще далеко и весьма далеко не осуществляютъ. Этотъ идеалъ есть „Царствіе Божіе“, которое первые христіане считали близкимъ. Теперь, когда уже болѣе не ожидаютъ millenium, люди пожелаютъ, на землѣ и посреди своихъ обществъ, осуществить евангельскія начала равенства и справедливости. Для составленія лучшихъ законовъ, необходимо, чтобы болѣе возвышенное чувство права и правосудія овладѣло нашими душами. Уже начинаютъ понимать, какъ въ высшихъ, такъ и низшихъ классахъ, живущихъ своимъ трудомъ, что высокія евангельскія истины должны проникнуть наши учрежденія и законы. Это указано съ особенною ясностію Фр. Гюе (Huet) въ прекрасной его книгѣ: *Le christianisme social*.

Есть страны, гдѣ самая полная демократія удержалась безъ всякихъ феодальныхъ и монархическихъ примѣсей и перерывовъ, и гдѣ самая полная свобода господствовала безъ перехода въ борьбу сословій и въ общественную междоусобицу. Эти страны — лѣсные кантоны Швейцаріи, которыхъ замѣчательныя учрежденія прекрасно описаны

Эдуардомъ Фриманомъ. Тутъ видишь на дѣлѣ то управленіе, о которомъ мечталъ Руссо. Весь народъ, въ своихъ собраніяхъ, законодательствуетъ, назначаетъ свои должностныя лица и управляетъ самъ собою такъ, какъ то дѣлали греческія республики.

Но здѣсь цѣль, тщетно преслѣдованная древними законодателями, счастливо достигнута. Равенство состояній, какъ того требовалъ Аристотель, здѣсь удержано, и потому равенство политическое не привело, черезъ анархію, къ деспотизму. Здѣсь сохранена собственность въ первобытномъ ея видѣ, который одинъ, соответствуя естественному праву, даетъ возможность демократіи существовать, и отвращаетъ отъ нея безпорядки, смуты и междоусобицы.

Во всѣхъ первобытныхъ обществахъ въ Азіи, Европѣ и Африкѣ, у Индѣйцевъ, Славянъ и Германцевъ, какъ еще нынѣ въ Россіи и на островѣ Іавѣ, земля, общинное владѣніе рода (tribu), періодически дѣлилась между семействами, такъ-чтобы они всѣ могли, по заповѣдямъ природы, существовать отъ своего труда. Достаточность каждому зависѣла отъ его дѣятельности и смысленности, по крайней мѣрѣ, никто не былъ лишенъ средствъ къ существованію, и наследственное и возрастающее неравенство было такимъ образомъ предотвращено. Теперь почти вездѣ этотъ естественный видъ собственности замѣненъ собственностью по Римскому праву, и неравенство состояній имѣетъ послѣдствіемъ господство высшихъ классовъ и большее или меньшее порабощеніе рабочихъ. Но въ Швейцаріи, рядомъ съ частными владѣніями, большія пространства земли, принадлежащей обществамъ, остались въ ихъ, общинномъ владѣніи. Эти земли называются Allmenden, что обозначаетъ: „собственность всѣхъ“.

Древнее Германское право имѣло прекрасное слово для обозначенія жителей селеній; оно называло ихъ Geerften — послѣдниками. Всѣ дѣти великой общинной семьи, какъ люди, имѣли равное право на наследство и не было обездоленныхъ.

Германскій и Славянскій обычай, обеспечивавшій каждому участокъ земли, для его существованія, одинъ согласенъ съ разумнымъ понятіемъ о поземельной собственности. Общепринятая теорія собственности нуждается въ полной передѣлкѣ, потому-что она основана на началахъ, совершенно противорѣчащихъ историческимъ даннымъ и даже тѣмъ заключеніямъ, къ которымъ желаютъ придти.

При изысканіяхъ о началѣ собственности, не достаточно обратили вниманія на древнѣйшіе, и такъ сказать естественные факты, которые истекли изъ прирожденного человеку инстинкта справедливости. Весьма вѣрно говоритъ г. Мэнъ: „Общія и правдоподобныя теоріи, которыя не поддаются проверкѣ, какъ напримѣръ: естественный законъ и общественный договоръ (contrat social), пользуются гораздо сильнѣйшимъ авторитетомъ, чѣмъ скромныя изысканія о первобытной исторіи общества и закона. Эти теоріи затемняютъ истину не только тѣмъ, что возвращаютъ вниманіе съ единственнаго пути, по которому можно до нея дойти, но въ особенности тѣмъ вліяніемъ, которое онѣ имѣютъ на развитіе юриспруденціи.“*)

Такъ для защиты безусловной собственности, завѣщанной намъ Римлянами, увѣряютъ, что она вездѣ и всегда (ubique et semper) существовала, а между тѣмъ исторія,

*) Maine, Ancient law. 4^e изд. стр. 3.

лучше узнавая, доказываетъ, что первобытною и общео-
бною собственності было владѣніе въ томъ видѣ, въ
какомъ мы его находимъ у Славянъ и Германцевъ, и въ
какомъ оно является въ Римѣ, въ *agri publici*.

Юристы, подъ впушеніемъ дигеста и институцій, вы-
водитъ собственность изъ занятія *rei nullius*; но никогда
земля не была вещью, ни кому непринадлежащею. У на-
родовъ охотничьихъ, пространство для охоты, у народовъ
пастушескихъ, выгонъ для скота, наконецъ у первыхъ
земледѣльческихъ народовъ, обработанныя земли считались
общеою собственностью цѣлаго рода (*tribu*); и мысль объ
исключительномъ и наследственномъ владѣніи землею ни
кому не приходило въ голову. Занятіе могло устанавливать
собственность только на движимость, которую можно взять
и удерживать въ своихъ рукахъ. Обряды при продажѣ,
существовавшіе у Римлянъ, явно доказываютъ, что они
только гораздо позднѣе примѣнены были къ передачѣ
недвижимостей.

Когда экономисты производятъ собственность един-
ственно изъ труда, то они находятся въ явномъ противо-
рѣчій съ юрисконсультами и съ законодательствами всѣхъ
странъ, и даже съ нынѣшнимъ устройствомъ общества,
которое было бы ихъ теоріями уничтожено, если-бы онѣ
удостоились безусловнаго одобренія и утвержденія.

Писатели, желающіе доказать необходимость собствен-
ности, употребляютъ доводы, изъ которыхъ очевидно, что
для ея полной законности, необходимо устроить ее такъ,
какъ она существовала у первобытныхъ народовъ, т. е.
какъ право естественное и неотчуждаемое. Знаменитый
законодатель Порталисъ, излагая соображенія къ главѣ
гражданскаго кодекса, относящейся къ праву собствен-

ности, доказываетъ ея необходимость и законность слѣ-
дующимъ образомъ: человекъ живетъ только отъ своего
труда; для того, чтобы работать, онъ долженъ присвоить
себѣ часть земли и употреблять ее по своему усмотрѣ-
нію; слѣдовательно, собственность необходима. Это со-
вершенно вѣрно; но если для того, чтобы жить и рабо-
тать, нужно собственность, то необходимо чтобы каждый
таковую имѣлъ. Бастія излагаетъ тѣже основанія и
также не видитъ, куда они его ведутъ: „Человѣкъ“,
по его словамъ, „рождается собственникомъ, потому-что
приходитъ на свѣтъ Божій съ нуждами, которыхъ удов-
летвореніе необходимо для его жизни, и также съ орга-
нами и способностями, коихъ употребленіе необходимо
для удовлетворенія его нуждъ“. Изъ этого слѣдуетъ,
что неизбежно признать за каждымъ человекомъ право
собственности, развѣ осудить толпу людей на смерть.

„Человѣкъ“, говоритъ еще Бастія. „живетъ и разви-
вается присвоеніемъ. Присвоеніе есть явленіе естествен-
ное, необходимое и Провидѣніемъ указанное въ видахъ
поддержанія человѣческой жизни, а собственность есть
только присвоеніе, превращенное трудомъ въ право.“ Если
это такъ, то всѣ должны имѣть возможность трудомъ при-
своить себѣ часть земли. Это право вполне признано въ
Швейцарскихъ *Allmendern* и въ древнемъ Германскомъ
правѣ; но оно совершенно устранено въ законодатель-
ствахъ, исшедшихъ изъ Римскаго права.

Извѣстный юрисконсульт Долозъ говоритъ: „Соб-
ственность не есть прирожденное право, но она истека-
етъ изъ прирожденнаго права человека на свободу.“
Если собственность необходима для свободы, то не явлю-
ли, что всѣ люди, долженствуя быть свободными, имѣютъ

равное право быть собственниками? Дѣйствительно, безъ собственности они были-бы въ зависимости отъ тѣхъ, отъ которыхъ они получали-бы плату. Знаменитый юри-консулъ второй Французской имперіи — Тролонъ (Trolong) въ книжкѣ, напечатанной въ 1868 году, для опроверженія социалистическихъ ученій, подъ заглавіемъ: *La propriété d'après le code civil*, говоритъ (стр. 12): „Если свобода основываетъ собственность, то равенство ее освящаетъ. Какъ всѣ люди равны и слѣдовательно равно свободны, то каждый долженъ признавать въ другомъ полную независимость его права.“ Эти звучныя слова или не имѣютъ смысла, или мы должны доставить каждому пользованіе собственностью, которая обезпечивала бы его независимость.

Большинство новѣйшихъ писателей провозглашаетъ, что собственность есть право естественное; но что это за естественное право, которое такъ мало присуще чело-вѣку, что безъ его вины можно его лишитъ этого права?

Въ издаваемой мною книгѣ я имѣю въ виду предста-вить историческій очеркъ первобытныхъ видовъ собствен-ности, а вовсе не сочинить новую по этому предмету теорію. Я не думаю, чтобы исторія намъ проявляла право. Если какое либо учрежденіе существовало, и даже во всѣ времена, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно законно и должно быть сохранено или восстановлено. Можно однако заключить изъ долгаго существованія та-каго учрежденія, что оно, въ эти времена, соответствовало чувствамъ и нуждамъ людей. Впрочемъ, если всѣ дово-ды, представленные юристами и экономистами въ пользу Римской безусловной собственности, не защищаютъ, а на-противъ осуждаютъ ее и оправдываютъ первобытную

собственность въ тѣхъ видахъ, въ которыхъ, подъ дѣй-ствіемъ чувства прирожденной справедливости, она суще-ствовала въ древнихъ обществахъ, то есть, кажется, достаточная причина къ тому, чтобы призадуматься надъ этимъ замѣчательнымъ и важнымъ обстоятельствомъ. Къ этому должно насъ побудить и то, что признаніе собствен-ности естественнымъ правомъ, принадлежащимъ каждому чело-вѣку вполне соответствуетъ чувствамъ равенства и чело-вѣколюбія, которыя христіанство возбуждаетъ въ на-шихъ душахъ и тѣмъ преобразованіямъ въ гражданскомъ законодательствѣ, которыя требуются развитіемъ нашего общественнаго устройства.

Знаніе первобытныхъ формъ собственности можетъ быть особенно важно и полезно для новыхъ поселеній, которыя располагаютъ огромными пространствами земли въ Австраліи и Соединенныхъ Штатахъ: тутъ этотъ видъ собственности могъ-бы быть введенъ предпочти-тельно предъ собственностью Римскою.

Наши старыя общества не иначе достигнутъ порядка, болѣе соответствующаго справедливости и духу христіан-ства, какъ пройдя чрезъ цѣлый рядъ междоусобій, при которыхъ свобода подвергнется великимъ опасностямъ, а быть можетъ — и погибнетъ; но новыя общества, основы-вающіяся на обширныхъ пространствахъ новаго свѣта, могутъ избѣгнуть этихъ грозящихъ намъ бѣдствій, поль-зуясь уроками исторіи и устанавливая у себя такія учреж-денія, которыя въ нѣкоторыхъ странахъ удержали демо-кратію и вмѣстѣ съ тѣмъ упрочили порядокъ и свободу. Слѣдовало-бы, въ каждой коммунѣ, оставлять часть земли, которую и дѣлить между всѣми семействами пожизненно, какъ это дѣлается въ лѣсныхъ кантонахъ Швейцаріи.

жители Америки и Австралии, не вводите у себя того и узкого права, которое мы позаимствовали у , и которое ведет насъ къ общественной междоуцѣ. Возвратитесь къ первобытному преданію нашихъ племенъ. Если-бы общества Запада освятили естественное право человека на собственность и удержали равенство состояній, то ихъ развитіе было-бы одинаково съ тѣмъ Швейцарскихъ кантоновъ. Не было-бы тогда впрочемъ ни феодальной аристократіи, ни неограниченной монархіи, ни демоногін, грозящей намъ гибелью. Уны, населенныя людьми свободными, равноправными ственниками, дружно-бы соединились для образованія арства, а государства, въ свою очередь, составили-и-федерацию, подобную Сѣверо-американскимъ Шта-

Не упустимъ изъ вида великаго урока, даваемого исторіею политическихъ и общественныхъ учрежденій: демократіи, не сохраняющей равенства состояній и заключающей въ себѣ два враждебные элемента — богатыхъ и нищихъ, необходимо подвергаются анархіи и даютъ подъ иго деспотизма. Этому научаетъ насъ и устами Аристотеля, и это доказывается нашею исторіею и нынѣшнимъ нашимъ положеніемъ. Для сохраненія свободы въ демократическомъ государствѣ, необходимо чтобы учрежденія, по возможности, поддерживали равновѣсїе между гражданами.

Въ европейскихъ обществахъ, гдѣ демократія и равенство состояній развиваются и утверждаются, постоянно, грозитъ величайшая опасность и едва-ли найдутъ въ себѣ достаточно мудрости, знанія и силъ для надлежащаго измѣненія своихъ учреждений. Ибо общества, возникающія на дѣйствительной почвѣ,

могутъ избѣгнуть опасности, устанавливая у себя законы и обычаи, которые, съ незапамятныхъ временъ, обеспечивали малымъ швейцарскимъ кантонамъ, подъ дѣйствіемъ вполнѣ демократическаго управленія, свободу и собственность.

1

1

1

Прочитавши предыдущія страницы, найдутся, пожалуй, люди, которые скажутъ или подумаютъ: потому-то мы и не хотимъ общиннаго землевладѣнія, что видимъ въ немъ элементы благопріятныя для демократіи.

Но неужель вы еще думаете поддерживать и усиловать на Руси аристократію и враждебно дѣйствовать противъ демократіи, съ цѣлью ее сокращать, и даже, если можно, вовсе ее подавить?

Впрочемъ, сперва объяснимся: что разумѣть подъ аристократіею и подъ демократіею?

Аристократія, по буквальному смыслу этого слова, значитъ: *властвованіе лучшихъ*. Но кого считать *лучшими*? Если, подъ этимъ словомъ, разумѣть *лучшихъ* по добродѣтелямъ, по уму, по знаніямъ, по способности вести общественныя дѣла, то едва-ли кто станетъ спорить и подастъ голосъ за худшихъ, имѣя въ виду лучшихъ. Но очевидно не таково мнѣніе людей, съ неудовольствіемъ прочитавшихъ переведенное нами предисловіе. Они, быть можетъ, и не имѣютъ въ виду признавать *лучшими* тѣхъ, которые только что богаты; хотя они и не прочь отъ того, чтобы обставить своихъ

лучшихъ людей достаточностью и даже избыткомъ, однако главное, самое существенное достоинство, которое наши сторонники аристократіи желаютъ видѣть въ своихъ излюбленныхъ, есть благородство происхожденія и еще кой-что, чего они и объяснить не умѣютъ.

Понимаемъ благородство происхожденія въ Германіи, Франціи, Англіи, — во всѣхъ странахъ, гдѣ были завоеватели и покоренные; гдѣ господствовалъ феодализмъ; гдѣ знатные роды имѣютъ и доселѣ значительныя помѣстья, и гдѣ генеалогическія книги содержатъ въ себѣ многовѣковыя исторіи рыцарскихъ доблестей предковъ. Но и тамъ лучшие люди по происхожденію перестали быть лучшими людьми вообще, и ихъ властвованіе остается воспоминаніемъ, историческимъ преданіемъ, но уже не дѣломъ современности. Въ одной Англіи аристократія сохраняетъ нѣкоторую власть; но и тамъ Гладстонъ, Дизраели и другіе люди незнатнаго происхожденія, но одаренные замѣчательными способностями, оставили далеко за собою древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ лордовъ. Явно, что вообще въ Европѣ всякія аристократическія привилегіи и даже притязанія не только идутъ на убыль, но даже постепенно вовсе исчезаютъ, и что напротивъ того, вездѣ и во всемъ демократическія начала пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе силы, прочности и примѣненія. Трудно плыть по рѣкѣ, противъ ея теченія; но не возможно, безразсудно идти противъ духа времени

и обстоятельствъ, этимъ духомъ порождаемыхъ. Умная Англійская аристократія хорошо это поняла, и потому она хлопочетъ только объ одномъ — какъ бы изъ правъ не мнимыхъ, а дѣйствительно ею обладаемыхъ, уступать менѣе и медленнѣе?

Какой-же смыслъ имѣютъ у насъ попытки сохранять, поддерживать и подкрѣплять аристократію?

Да есть ли у насъ аристократія?

Очень немного древнихъ родовъ на Руси, сохранившихъ свои помѣстья и свои барскіе чертоги. И тѣ и другіе сдѣлались, по большей части, принадлежностью счастливыхъ спекуляторовъ. Многіе потомки знаменитыхъ предковъ или своими руками пашутъ землю*), или состоятъ на жалованьи въ акціонерныхъ обществахъ, у купцовъ и евреевъ, или, что еще менѣе согласно съ аристократическими обычаями, разсылаютъ письма съ просьбами о пособіяхъ. Дворянство, созданное на Руси въ позднѣйшія времена, снабженное большими гражданскими и почти политическими правами, и пользовавшееся привилегіею владѣнія населенными имѣніями, — дворянство какъ сословіе развѣ имѣло когда либо значе-

* Мнѣ случилось однажды, весною, проѣзжать по Зарайскому уѣзду (Рязанской губерніи) и тамъ увязнуть. На зовъ мой на помощь, пришли отъ сохъ нѣсколько людей, пахавшихъ землю, и одинъ изъ нихъ оказался княземъ Щепиннымъ-Ростовскимъ. На спросъ мой: почему онъ самъ пашетъ землю? Онъ отвѣчалъ мнѣ съ улыбкою: „Да мы, дворяне, широкіе карманы, пустые кошельки.“

ніе? Развѣ приобрѣтало оно дѣйствительную силу и употребляло ее на пользу государства? Распоряжалось дворянство своими имѣніями — плохо; закладывало или продавало ихъ — зря, и деньги тратило на балы, обѣды, разныя кутежи, и на заграничныя поѣздки; выборы въ важныя должности по суду и расправѣ производило оно — небрежно, въ промежутки между различными, въ это время устроиваемыми увеселеніями; а просвѣщеніе или вѣрнѣе сказать образованіе усвоило оно себѣ иностранное, внѣшнее, вовсе несамоостоятельное, безъ всякой связи съ своею страной и своимъ народомъ. Конечно, были изъ дворянъ, и хорошіе хозяева, и отличные государственные люди, и славные воины, и замѣчательные ученые, мыслители и поэты, но таковыми они были какъ отдѣльныя лица, а не какъ члены дворянскаго сословія. То-то и замѣчательно, что дворяне, какъ особи имѣли значеніе и оказывали отечеству великія услуги; но дворянство, какъ сословіе, не сдумѣло или не было въ состояніи чѣмъ либо быть или что либо сдѣлать. Теперь оно не владѣетъ болѣе людьми, не избираетъ членовъ суда и расправы, пользуется гражданскими правами и несетъ гражданскія обязанности наравнѣ съ прочими состояніями въ государствѣ; теперь дворянство замѣщается, и то съ большимъ трудомъ, только двѣ, три сословныя должности, въ его вѣдѣніи остающіяся; а его предводители, хотя и вездѣ председательствуютъ и слѣдовательно пользуются по-

четомъ, однако на дѣлѣ, по большей части, мало производятъ и часто избираются не изъ лучшихъ своего сословія, а изъ тѣхъ, которые соглашаются принять это званіе; теперь дворянство какъ будто упряднено; а потому люди, его составляющіе, могли бы, и по своему образованію и по своимъ достаткамъ, стать во главѣ земства и быть истинно полезными для государства вообще. Нѣкоторые дворяне это и исполняютъ. Но по какому-то, словно роковому предопредѣленію, нашлись люди, которые, имѣя въ виду неосуществимую мысль о возстановленіи и возвеличеніи дворянства, хотятъ окончательно стубить не только его (это неминуемо, а потому и не прискорбно), но и лица, его составляющія. Эти доброжелатели дворянства думаютъ его оживить и усилить, обособляя его отъ прочихъ состояній, предоставляя ему въ земствѣ какое-то привилегированное положеніе, и закономъ возлагая на него особенныя обязанности и по отправленію воинской повинности, и по надзору за первоначальными школами, и по производству дѣлъ, касающихся крестьянъ. Нѣтъ! Обособленіемъ, предоставленіемъ привилегій и навязываніемъ людей, лучшихъ только по происхожденію, во главенство веденія общественныхъ дѣлъ уже нельзя поднять и укрѣпить дворянство. Такія дѣйствія не полезны для него, но весьма вредны для лицъ, входящихъ въ его составъ, и для государства, почерпающаго свои силы преимущественно изъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ состояній народа.

Препятствовать дѣйствительно живому развиваться и крѣпнуть, и гнаться за возстановленіемъ никогда не существовавшего и не имѣющаго въ себѣ жизненныхъ задатковъ, — значитъ дѣйствовать не ко благу Россіи, а въ явный ея ущербъ.

А что такое демократія? Почему многіе такъ ея боятся? Почему всё, что только на неё походитъ или ею отзывается, внушаетъ страхъ и отращиваетъ?

Понимаю, что демоногія, демоноги и демоногическіе замыслы и насилія внушаютъ сказаннымъ чувствамъ; но всё эти явленія возможны только при отсутствіи настоящей демократіи и при существованіи аристократіи, которая, своими привилегіями, притязаніями и роскошью, возбуждаетъ общую зависть и ненависть, создаетъ государство въ государствѣ, особый въ народѣ отдѣлъ, и тѣмъ вооружаетъ противъ себя огромное большинство людей. Демократія — *народовластіе*, то есть: власть всѣхъ гражданъ, а не кого либо изъ нихъ, однимъ словомъ, *самоуправленіе* въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не должна бы внушать ни опасеній, никакихъ-либо несприятныхъ ощущеній. Демократія вовсе не значитъ, чтобы народъ самъ, на площадяхъ или въ клубахъ, распоряжался своими дѣлами, и чтобы искатели наживы, говоруны и властолюбцы имъ заправляли. Напротивъ того, при демократіи можетъ быть полный порядокъ, и необходимо только то, чтобы, черезъ своихъ представителей, правильно

избранныхъ, все участвовали въ законодательствѣ и вліяли на управленіе. Демогоги страшны тамъ, гдѣ власть и богатства сосредоточены въ рукахъ немногихъ, и гдѣ массы невѣжественны, поработены и погружены въ нищету. Въ Европѣ еще имѣются аристократическіе остатки, а потому тамъ неизбежны и демогогическіе замысли и попытки. Въ Европѣ, громады богатства нѣсколькихъ лицъ и страшна нищета массъ; а потому коммунизмъ и социализмъ въ томъ видѣ, какъ они на западѣ вырабатываются, вполне тамъ уместны, законны и неминуемы, и должны все болѣе и болѣе распространяться, крѣпнуть и угрожать общественному спокойствію.

У насъ, слава Богу, дѣло обстоитъ совершенно иначе. Намъ нечего опасаться демогогій, ибо на Руси нѣтъ аристократіи, а есть настоящая демократія, — настоящій народъ, состоящій изъ всехъ жителей страны, преданный своему Государю и олицетворяемый въ земскихъ учрежденіяхъ, которымъ остается только развиваться, расширяться и крѣпнуть. Намъ нечего опасаться западнаго коммунизма и социализма, ибо у насъ есть властвующая землею община, которая ограждаетъ большинство людей отъ бездомства и нищеты, и которая обезпечиваетъ государству спокойствіе и устойчивость.

Намъ слѣдуетъ опасаться только одного, чтобы врачи, предпринимающіе лѣчить насъ отъ болѣзней, которыхъ въ насъ вовсе нѣтъ, не произвели въ насъ

дѣйствительныхъ болѣзней. Разыскиваютъ нити какихъ-то несуществующихъ заговоровъ, подвергаютъ разсадники просвѣщенія преобразованіямъ, съ цѣлью прибрать ихъ къ рукамъ, уничтожить въ нихъ всякую самостоятельность и сдѣлать ихъ чисто казенными заведеніями; думаютъ, ингилизму, все болѣе и болѣе у насъ распространяющемуся и становящемуся у насъ все болѣе и болѣе нелѣпымъ, противодѣйствовать какимъ-то классическимъ образованіемъ, разнаго рода преслѣдованіями и стѣсненіями. Нѣтъ! Не тутъ зло и не тутъ спасеніе. Ингилизмъ дѣйствительно у насъ идетъ въ ширь и губитъ молодежь; но это происходитъ только отъ того, что онъ дѣйствуетъ подпольно, подъ сѣнью все болѣе и болѣе усиливающегося общаго неудовольствія и находитъ для себя благопріятную почву въ возбужденной, а нынѣ задержанной умственной дѣятельности. Дайте болѣе простора и свѣта — и добрыя начала возьмутъ верхъ, въ русскомъ человѣкѣ, надъ тѣми внушеніями мрака и зла, которыя теперь устрашаютъ и огорчаютъ всякаго, истинно любящаго свое отечество. Возвратите согражданамъ то довѣріе и расположеніе, которыя нѣкогда вы къ нимъ имѣли и которыя во зло они не употребили, — и ингилизмъ, ходьба въ народъ и общее уныніе исчезнутъ съ лица земли Русской и замѣнятся тѣмъ оживленіемъ, тою дѣятельностью, тѣмъ содѣйствіемъ правительству, и тѣми чувствами довольства, преданности и благодарности, которыхъ Рус-

скіе были преисполнены въ первое десятилѣтіе нынѣшняго царствованія.

Это пишетъ, не юноша, не бобыль, не выходецъ изъ низкихъ слоевъ общества, алчущій чужаго имущества, даже не кабинетный теоретикъ, а старецъ на седьмомъ десяткѣ лѣтъ отъ рода, владѣлецъ значительныхъ помѣстій, самъ ими управляющій, дворянинъ древняго рода, записаннаго въ шестую часть дворянской родословной книги, и при томъ человекъ принимавшій участіе въ государственномъ управленіи и нынѣ посвящающій свое время, силы и способности земскому дѣлу.

Да не будутъ слова его гласомъ вопіющаго въ пустынь!

17 Января 1875 г.

Москва.

А. Кошелевъ.

Мы только что прочли книжку г. Фадѣева: *Русское общество въ настоящемъ и будущемъ (Чѣмъ намъ быть?)**). Какъ тутъ предлагается устройство еще небывалой аристократіи, которой потому мы и не могли имѣть въ виду, то считаемъ не лишнимъ сказать объ ней нѣсколько словъ.

Едва ли въ какомъ сочиненіи, гдѣ и когда либо напечатанномъ, содержится болѣе богатое сокупленіе мыслей совершенно вѣрныхъ и неизвѣрныхъ, чѣмъ въ этомъ новомъ произведеніи русской публицистики. Все, что авторъ говоритъ о разрозненности, о разбродѣ, о шаткости, объ апатіи и проч. въ нашемъ обществѣ, т. е. въ дворянствѣ — глубоко вѣрно; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не по удивиться, что онъ упускаетъ совершенно изъ вида что помимо дворянства имѣется на Руси еще крестьянство, которое постоянно и прежде являло и теперь являетъ замѣчательный примѣръ единства, сплоченности и устойчивости, и котораго эти свойства только и могутъ разъяснить великій историческій фактъ — образованіе и существованіе громадной крѣпкой и притомъ спокойной русской имперіи

*) Только что появилось у B. Behr's Buchh., Berlin, 27, U. d. Linden: „Чѣмъ намъ быть? — Ответъ Редактору газеты „Русскій Миръ“. Ч. 2 М.

Затѣмъ, т. е. изобразивши дворянство, хотя и въ настоящемъ, но вовсе не въ лестномъ для него видѣ, г. Фадѣевъ предполагаетъ, изъ 'разрозненныхъ, безличныхъ членовъ такого сословія, образовать ядро къ объединенію и сплотненію всего сущаго на Руси. Въ это ядро должно войти по преимуществу дворянство, но не все, а только то, которое имѣетъ ежегоднаго дохода не менѣе тысячи рублей; сверхъ того могутъ туда входить, изъ нижняго слоя народа, люди отличающіеся особыми заслугами или наслѣдственно ведшіе, въ продолженіи трехъ поколѣній, значительную торговлю или значительныя промышленныя предпріятія. Это ядро, называемое въ книгѣ г. Фадѣева *культурнымъ сословіемъ*, должно быть строго обособлено отъ остальнаго народа, т. е. отъ черни, организовано самостоятельно и облечено большими правами по мѣстному и даже по общему самоуправленію. — Не правда ли что оригинальна мысль обратить въ ядро народа то, что, по словамъ самаго автора, не имѣетъ въ себѣ ни связи, ни единства, ни самостоятельности?

Предоставляемъ другимъ подробно высказывать противорѣчія, которыми изобилуетъ книга г. Фадѣева и обстоятельно опровергать его смѣлые, даже дерзкіе выводы, заключенія и предположенія; мы ограничимся однимъ замѣчаніемъ. Не лежитъ ли въ основѣ всѣхъ его противорѣчій, странныхъ выводовъ, заключеній и предположеній — одна ошибка?

Не заключается ли она именно въ томъ, что онъ считаетъ возможнымъ формально, закономъ, организовать имѣющее, въ русскомъ народѣ, само собою образоваться, т. е. главенство, въ земствѣ, ума, просвѣщенія, энергіи, трудолюбія, устойчивости, достаточности и проч. Всѣ эти качества г. Фадѣевъ желаетъ видѣть соединенными въ своемъ культурномъ сословіи и полагаетъ, что они въ немъ могутъ пріемственнно существовать; онъ вовсе не требуетъ для него замкнутости; онъ готовъ даже поступиться геральдикой; ибо Рюриковича, не имѣющаго тысячи рублей дохода, онъ относитъ къ черни, и на оборотъ, крестьянина или мѣщанина, на основаніяхъ выше нами указанныхъ, онъ вводитъ въ культурное сословіе. Слѣдовательно, онъ вовсе не аристократъ стараго закала — не феодалъ, даже не консерваторъ, а новизникъ и притомъ революціоннаго характера. Большинство земскихъ людей думаетъ что, на основаніи существующихъ, намъ дарованныхъ земскихъ учрежденій, власть, не правительственная а общественная, само собою устроится, что люди распредѣлятся по состояніямъ, самимъ дѣломъ указываемымъ, и что все у насъ обойдется не только мирно въ настоящемъ, но и безъ вызова опасностей въ будущемъ. Г. Фадѣевъ по этому предмету совершенно инаго мнѣнія: онъ хочетъ какъ-то искусственно, рѣзко и самопроизвольно раздѣлить русскій народъ на двѣ части: на культур-

ную и темную, на властвующих и повинующихся, на господъ и чернь; и эти привилегіи и тяжести онъ думаетъ наследственно передавать отъ одного поколѣнія другому. Желательно ли, возможно ли произвести такой переворотъ или такую революцію сверху, которая осудила бы миллионы людей на порабощеніе, и возвела бы тысячи людей въ наследственный сонмъ властителей? Не значитъ ли это сознательно, даже какъ будто преднамѣренно вкладывать семена раздора и смутъ въ народъ, который до сихъ поръ не знаетъ внутренней борьбы между различными состояніями, который, при освобожденіи людей отъ крѣпостной зависимости, явилъ, во всѣхъ своихъ слояхъ, великую мудрость и кротость, и который вполне олицетворяется въ введенныхъ у насъ земскихъ учрежденіяхъ? Мы увѣрены, что г. Фадѣевъ такихъ мыслей и намѣреній не имѣетъ, и что онъ только увлеченъ заблужденіемъ на счетъ возможности формулированія и регулированія условій властвованія однихъ и повиновенія остальныхъ людей въ государствѣ. Конечно всегда и вездѣ была и будетъ аристократія; она существуетъ въ крестьянскихъ и городскихъ обществахъ, а равно и во всякомъ, даже самомъ республиканскомъ государственномъ составѣ. Лучшие люди, силою вещей, притягиваются къ властвованію, а худшимъ приходится повиноваться; но условія для признанія людей *лучшими* столь же различны,

сколько разнообразны народы и времена. Эти условія никакъ не поддаются предварительному и внѣшнему опредѣленію; ихъ невозможно сочинять, утверждать и передавать къ исполненію; они устанавливаются сами собою, не пишутся на бумагѣ, а являются на самомъ дѣлѣ. Такъ, въ средніе вѣка, во времена грубой силы и невѣжества, лучшими людьми оказывались рыцари, и они основали феодальное дворянство; такъ, въ новѣйшія времена, среднее сословіе (*tiers-état*) превзошло феодаловъ и образованіемъ и дѣятельностью, и власть перешла въ его руки; такъ теперь въ Европѣ образуется не сословіе, не состояніе, не особый какой-либо слой общества, а экстрактъ или извлеченіе изъ всего народа людей, которые, превосходя другихъ своими способностями, пріобрѣтаютъ вліяніе и силу въ своей средѣ и, черезъ то, выдвигаются въ первые ряды въ своемъ обществѣ, въ своей области или даже въ своемъ государствѣ. У насъ, для образованія такой аристократіи, открытъ путь прямой, широкій, соответствующій духу народа и притомъ вполне законный — въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ. Помимо этого пути у насъ никакой аристократіи создать нельзя. Всякія попытки его миновать останутся безъ послѣдствій или, что еще хуже, — поселятъ неудовольствіе, уныніе и упадокъ духа въ самыхъ здоровыхъ слояхъ и членахъ нашего народа.

Въ заключеніе не можемъ не замѣтить, что предположеніе г. Фадѣева до того странно и нашей странѣ несвойственно, что онъ не могъ даже приискать русскаго слова для обозначенія сочиняемаго имъ сословія, и что потому онъ вынужденъ былъ его назвать *культурнымъ*. Хотя бы это должно было нѣсколько сдержать игру фантазіи почтеннаго автора!

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

НАПЕЧАТАНО:		ЧЕТАТЬ:
стр. 17 строка снизу	4: также	ниже
- 30 - сверху	13: подрядокъ	порядокъ
- 88 - -	3: невозможностями	невозможностями
- 37 - снизу	5: въ	то въ
- 48 - сверху	14: владѣльцы	дѣльцы
- 58 - -	1: три-	четыр-
- 56 - -	13: тринадцать	четыринадцать